НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ

ИВАН ФЁДОРОВИЧ ШПОНЬКА И ЕГО ТЁТУШКА

Пьеса Николая Коляды по мотивам произведений Николая Васильевича Гоголя.

Екатеринбург
2008 год

«… Внутри рвёт меня, всё немило мне:
ни земля, ни небо, ни всё, что вокруг меня …»
Н.В.Гоголь

Действующие лица:

ИВАН ФЁДОРОВИЧ ШПОНЬКА
СТЕПАН ПЕТРОВИЧ КУРОЧКА
ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА ЦУПЧЕВСЬКА
ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ СТОРЧЕНКО
МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА, девица, его сестра
НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА, девица, его сестра
ИВАН ИВАНОВИЧ БАТЮШЕК
НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА, бабушка-старушка
ЖИД-ИЗВОЗЧИК
МАЛЬЧИК-СЛУГА
ГАПКА
ПРОХОР
ОМЕЛЬКА

Дело было однажды в Малороссии.
Точнее сказать: дело было давно и - неправда.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

* * *

Дело этой истории началось на военной службе. Сидели, болтали два товарища – подпоручик Иван Федорович Шпонька и ротный командир Степан Петрович Курочка.
Такие вот были у них фамилии.
И-и, Господи! Да на Руси есть такие прозвища, что только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь. Ну дак что ж теперь?
Сидели вот Курочка и Шпонька.
Сидели себе в избе у Курочки.
Да, в избе. И что тут такого? Пехотный полк, в котором служили Курочка и Шпонька, был совсем не такого сорта, к какому принадлежат многие пехотные полки. И несмотря на то, что основною частию полк стоял по деревням, однако ж был он на такой ноге, что не уступал иным и кавалерийским. Большая часть офицеров пила выморозки (это такая замороженная водка – ух, какая крепкая!) и умела таскать жидов за пейсики не хуже гусаров. Зачем? Да просто так. Чтоб боялись.
А несколько человек из служивых даже танцевали мазурку. Командир полка этим страшно гордился, и так и говорил: «У меня-с, - говорил он обыкновенно, трепля себя по брюху после каждого слова, - многие пляшут-с мазурку; весьма многие-с; очень многие-с».
Но не о том речь, а вот о чём.
Закручинившись навалившимися заботами, Шпонька сообщал Курочке соображения про свою дальнейшую жизнь.

ШПОНЬКА. Ухожу вот я, Степан Петрович, в отставку. Ша. Хватит. Наслужился.

КУРОЧКА. Боже ж мой на свете, в розовом корсете! Да хоть бы в худом, но в голубом!

ШПОНЬКА. Оставь, право, свои шуточки. При чём тут корсеты? У меня сердце захолонуло, как подумал поменять свою жизнь, а ты?

КУРОЧКА. Ну, Иван Фёдорович! Ой, Иван Фёдорович! Ай, Иван Фёдорович!

ШПОНЬКА. Да что «Иван Фёдорович»? Что?

КУРОЧКА. Да я же ж за тебя радуюсь, Иван Фёдорович! Ведь уйдёшь – получишь поручика. Вот представь себе: лёг ты спать подпоручиком, а встал и уже – поручик, и уже другой человек! Вот ведь как красиво жизнь устроена, а?! Был – подпоручик, а стал – поручик. А?! Нет, ты представь: был – подпоручик, а стал – поручик!

ШПОНЬКА ***(размяк и заулыбался).*** И правда. Устроена жизнь удивительно. Был, можно сказать, никто, а стал вдруг в один день – всё.

КУРОЧКА. Так-то, брат. Вот я и говорю: Боже ж мой на свете, в розовом корсете! Да хоть бы в худом, но в голубом!

ШПОНЬКА. Да постой ты, Степан Петрович. Спросить вот хотел. Как думаешь, орден мне при отставке дадут, Степан Петрович?

КУРОЧКА. Орден?

ШПОНЬКА. Орден.

КУРОЧКА. Ну, знаешь ли, Иван Фёдорович: каравай-то не по рылу.

ШПОНЬКА. Почему это, Степан Петрович? Ты меня опять обижаешь. Я хотел просить тебя за меня замолвить слово перед начальством.

КУРОЧКА. С чего же ты хочешь, Иван Фёдорович, орден? И как это вдруг – орден? Ты понимаешь, что это не просто так, а уже – ого-го что. Ого-го как. Ишь, орден ему.

ШПОНЬКА. А почему бы мне, Степан Петрович, не помечтать про орден?

КУРОЧКА. Да зачем тебе? Уж не хочешь ли ты, Иван Фёдорович, пойти на

государственную службу?

ШПОНЬКА. Как знать, как знать, Степан Петрович … Многие идут-с и ничего-с, получается.

КУРОЧКА. Да нет! Ты, брат мой, Иван Фёдорович, никогда не станешь поступать на государственную службу.

ШПОНЬКА. Отчего же-с? Почему ты так превратно про меня думаешь, Степан Петрович?

КУРОЧКА. Да ты, Иван Фёдорович, не умеешь хоронить концы. А это на государственной службе – главное!

ШПОНЬКА. Хоронить концы? Разве-с?

КУРОЧКА. А то. Мы же вместе учились! И у тебя с младых ногтей не было удачи в том, чтобы – схоронить концы.

ШПОНЬКА. Да какие же концы, побойся Бога, Степан Петрович? И на что их хоронить и почему следует?

КУРОЧКА. Ну, помнишь, как сделали тебя аудитором?

ШПОНЬКА. Помню-с.

КУРОЧКА. А помнишь, как один из вверенных тебе учеников, чтобы склонить тебя, своего аудитора, написать ему в списке по-латински «skit», что означает «знает», тогда как он своего урока в зуб не знал, принёс в класс завернутый в бумагу, облитый маслом блин?

ШПОНЬКА. Помню-с.

КУРОЧКА. И что было тогда?

ШПОНЬКА. Нет, нет, Степан Петрович! Не смейся, Степан Петрович! Я всегда держался справедливости, Степан Петрович! И никогда бы в жизни не написал ему «skit», что означает «знает». Но на ту пору я был голоден и не мог противиться обольщению.

КУРОЧКА. Вот-вот. Взял блин, поставил перед собою книгу и начал есть. И так был занят этим, что даже не заметил, как в классе сделалась вдруг мертвая тишина. Тогда только с ужасом очнулся, когда страшная рука учителя, протянувшись из фризовой шинели, ухватила тебя за ухо и вытащила на средину класса! Вот смеху было!

Степан Петрович и Иван Фёдорович, вспоминая молодые годы, стали мелко и долго хихикать, стукая себя по коленкам кулачками.

ШПОНЬКА. Да, да, брат! И кричит, главно: «Подай сюда блин! Подай, говорят тебе, негодяй, блин!». И схватил пальцами масляный мой блин и выбросил его за окно!

КУРОЧКА. И ещё строго настрого запретил бегавшим по двору школьникам поднимать его!

ШПОНЬКА. После этого тут же высек меня пребольно по рукам. А зачем по рукам-то?

КУРОЧКА. И дело: руки виноваты, зачем брали, а не другая часть тела. Вот я и говорю: не умеешь ты хоронить концы.

ШПОНЬКА. Как бы то ни было, Степан Петрович, только с этих пор робость, и без того неразлучная со мной, увеличилась еще более. Очень я робкий человек. Никогда ни о чём не попрошу. Разве что вот только орден …

КУРОЧКА. Ага, орден ему. Наша Дунька не брезгунька, жрёт и мёд. Так?

ШПОНЬКА. Да при чём же тут мёд, Степан Петрович? И при чём же тут какая-то Дунька-брезгунька? Может быть, это самое происшествие было причиною того, что я не

имел никогда желания вступить в штатскую службу …

КУРОЧКА. … видя на опыте, что не всегда удается хоронить концы!

Посмеялись ещё. Табаку понюхали. Чихнули разом.

ШПОНЬКА. Было-с, да-с. Зато пошёл я на военную службу и стал подпоручик. А теперь буду поручик. Всё бы ничего, да вот только … Получить бы орден!

КУРОЧКА. Да зачем тебе, Иван Фёдорович? Вот заладил.

ШПОНЬКА. Поскольку ты мне любезный друг, Степан Петрович, прочту тебе, с твоего позволения, письмецо, что написала мне моя тётушка Василиса Кашпоровна.

Иван Фёдорович высморкался, достал, как драгоценность, из кармана мятый листок и принялся важно и громко читать.

Вот что, Степан Петрович, пишет тётушка мне: «Любезный племянник, Иван Федорович! Посылаю тебе белье: пять пар нитяных карпеток и четыре рубашки тонкого холста. Да еще хочу поговорить с тобою о деле: так как ты уже имеешь чин немаловажный, что, думаю, тебе известно, и пришел в такие лета, что пора и хозяйством позаняться, то в воинской службе тебе незачем более служить …» Надо сказать, что тётушка моя замужем никогда не была и обыкновенно говорила, что жизнь девическая для нее дороже всего. Впрочем, сколько мне помнится, никто и не сватал её. Это происходило оттого, что все мужчины чувствовали при ней какую-то робость и никак не имели духу сделать ей признание.

КУРОЧКА. Вот ведь тётушка твоя, Иван Фёдорович, как проницательна, мысли твои читает. Видишь, и она тебе пишет про отставку? Знать, любит тебя.

ШПОНЬКА. Позволю продолжить письмо, Степан Петрович. «Я уже стара и не могу всего присмотреть в твоем хозяйстве. Да и действительно, многое притом имею тебе тайн, как вести хозяйство, открыть лично. Приезжай, Ванюша. В ожидании подлинного удовольствия тебя видеть, остаюсь многолюбящая твоя тетка. Василиса Цупчевська».

КУРОЧКА. Всё?

ШПОНЬКА. Нет. Вот ещё приписка: «Чудная в огороде у нас выросла репа: больше похожа на картофель, чем на репу». ***(Иван Фёдорович вздохнул).*** И посему: ехать надо ж, однако ж, уходить со службы, что тут поделаешь.

КУРОЧКА. И что ж ты, брат, ответил?

ШПОНЬКА. А вот что …

Иван Фёдорович вынул из другого кармана другой мятый листок.

Вот письмо к тётушке, собираюсь отправить, да вот хотел у тебя, Степан Петрович, совету спросить – ладно ли? ***(Иван Фёдорович прокашлялся и принялся громко читать).*** «Милостивая государыня, тетушка Василиса Кашпоровна! Много благодарю вас за присылку белья. Особенно карпетки у меня очень старые, что даже денщик штопал их четыре раза и очень от того стали узкие. Насчет вашего мнения о моей службе, я совершенно согласен с вами и третьего дня подал в отставку. А как только получу увольнение, то найму извозчика. Прежней вашей комиссии, насчет семян пшеницы, сибирской арнаутки, не мог исполнить: во всей Могилевской губернии нет такой …»

КУРОЧКА. Всё?

ШПОНЬКА. Всё. Хотел ещё написать, как я люблю тётушку, да постеснялся: мне уж тридцать восьмой годок идёт и ни к чему эти собачьи ласки.

КУРОЧКА. Ну и хорошо.

ШПОНЬКА. Да что ж хорошего?

КУРОЧКА. Да Боже ж мой на свете, в розовом корсете! Да хоть бы в худом, но в голубом!

ШПОНЬКА. Да при чём же тут, Степан Петрович, опять твои корсеты?

КУРОЧКА. Да при том!

ШПОНЬКА. Посоветуй, брат, что еще написать?

КУРОЧКА. А напиши ты ей для хозяйства полезное. Пиши вот что: «Свиней же здесь в Могилевской губернии кормят большею частию брагой, подмешивая немного выигравшегося пива».

ШПОНЬКА. Верное замечание. Напишу-ка я. Вдруг и ей это в хозяйстве пригодится. Только как же это? Свиньи будут у нас всегда пьяные, а?

КУРОЧКА. Ну дак и хорошо, Иван Фёдорович!

ШПОНЬКА. А что ж хорошего?

КУРОЧКА. Дак весело будет!

ШПОНЬКА. Правда твоя. Пусть им всем там будет веселее. Хорошо. Допишу, подпись вот только поставлю такую красивую: «С совершенным почтением, милостивая государыня тётушка, пребываю племянником Иваном Шпонькою». Письмо сегодня же отправлю, да и начну собираться.

Они посидели, помолчали, так как все разговоры друг другу уже сказали и пора была расставаться.

КУРОЧКА. Что ж ты, брат, задумался?

ШПОНЬКА. Да вот опять про орден …

КУРОЧКА. Боже ж мой на свете, в розовом корсете! Хоть бы в худом, но в голубом! Да на что он тебе, Иван Фёдорович?!

ШПОНЬКА. А на то.

КУРОЧКА. Да не задумал ли ты жениться и посему для солидности хочешь нацепить себе на пузо медальку?

ШПОНЬКА. Право, ты меня в краску вгоняешь.

КУРОЧКА. Угадал! Жениться, мерзавец, задумал?! ***(Степан Петрович встал и принялся приплясывать, припевая)***: «Каждый раз лишь только я! Заряжаю пушку! Вспоминаю я тебя! Миленькую душку!»

ШПОНЬКА. Да при чём тут пушки и душки, Степан Петрович?!

КУРОЧКА. Задумал, задумал, задумал!

ШПОНЬКА. Но ты … Ты сам разве ж не женат?

КУРОЧКА. Женат. А знал бы ты, как я скорблю по холостяцкой жизни. В Петербурге-то как было, а? Сколько в молодости натворил! Боже ж мой на свете, в розовом корсете! Со мной, впрочем, всегда такие истории. Иной раз, право, совсем не виноват, с своей стороны решительно ничего. Ну, что ты прикажешь делать? ***(Говорит тихо).*** Когда я жил в Петербурге, то вот по вскрытии Невы всегда находили две-три утонувшие женщины. Не знаю, как сейчас, находят или нет. А тогда – две-три по весне. А я молчу, скорблю и даже не говорю, что я тут причастен и что тут имеет место несчастная любовь ко мне. Молчу, потому что в такую еще впутаешься историю ... Всех ведь не обогреешь. Да, любили и любят, а ведь за что бы, кажется? Лицом нельзя сказать, чтобы очень ...

ШПОНЬКА. Потому что у тебя Владимир третьей степени, вот-с. А у меня нету.

КУРОЧКА. Ну и что ж? Куда конь с копытом, туда и рак с клешней, так?

ШПОНЬКА. При чём тут рак с какой-то, извиняюсь, клешнёй? Орден такое производит

действие на слабый пол – ой-ёй-ёй.

КУРОЧКА. Да тебе-то что он? Молодой, собой хорош. Ну?

ШПОНЬКА. Ну, нет-с, не сильно-с. Что ж будешь делать, ведь у меня такой характер. Чем бы я теперь не был, если бы сам доискивался? У меня бы места на груди не нашлось для орденов. Но что прикажешь! Не могу! Стороною я буду намекать часто, и экивоки подпускать, но сказать прямо, попросить чего непосредственно для себя ... Нет, это не моё дело! Другие выигрывают беспрестанно ... А у меня уж такой характер: до всего могу унизиться, но до подлости никогда! ***(Вздохнувши.)*** Мне бы теперь одного только хотелось - если б получить хоть орденок на шею. Не потому, чтобы это слишком меня занимало, но единственно, чтобы видели внимание ко мне начальства.

Помолчали. Степану Петровичу надоела эта тема, и он просто сидел, хмурился, тряс ногой и смотрел в окно.

Я всё никак не спрошу: а что супруга твоя, Елизавета Павловна?

КУРОЧКА. Слава богу! Неделю, впрочем, назад было захворала.

ШПОНЬКА. Э!

КУРОЧКА. В груди под ложечкой сделалась колика и стеснение.

ШПОНЬКА. И что же?

КУРОЧКА. Доктор прописал очистительное и припарку из ромашки и нашатыря.

ШПОНЬКА. Вы бы с ней попробовали омеопатического средства.

КУРОЧКА. Чудно, право, как подумаешь, до чего не доходит просвещение. Вот, ты говоришь, Иван Фёдорович, про меопатию.

ШПОНЬКА. Говорю.

КУРОЧКА. Недавно был вот я в представлении. Что ж бы ты думал? Мальчишка, росту, как бы вам сказать, вот этакого ***(показывает рукою)***, лет трех не больше. Посмотрел бы ты, как он пляшет на тончайшем канате! Я тебя уверяю сурьезно, что дух занимается от страха.

ШПОНЬКА. А при чём же тут омеопатия?

КУРОЧКА. А при том.

ШПОНЬКА. А-а. Ну тогда я тоже вот что скажу. ***(Пауза).*** Очень хорошо поет Мелас.

КУРОЧКА ***(значительно).*** Мелас? О да! С большим чувством!

ШПОНЬКА. Очень хорошо.

КУРОЧКА. Заметил ли ты, как она ловко берет вот это? ***(Вертит рукою перед глазами).***

ШПОНЬКА. Именно, это она удивительно хорошо берет. Однако уж скоро два часа.

КУРОЧКА. Куда же это ты, Иван Фёдорович?

ШПОНЬКА. Пора! Мне нужно еще места в три заехать до обеда. К господину полковнику доложиться. Похлопотать надо до увольнения, хоть и поздно уже, по поводу ордена. Ухожу, ухожу со службы, Степан Петрович, еду в деревню, прощай!

КУРОЧКА. Ну, так до свидания. Когда ж увидимся? Да, я и позабыл: ведь мы завтра у Лукьяна Федосеевича, нашего ротного командира?

ШПОНЬКА. Всенепременно. ***(Кланяется).***

КУРОЧКА. Прощай, любезный Иван Фёдорович!

Степан Петрович проводил Иван Фёдоровича до дверей, остался один, встал у окна.

Ой, не терплю я людей такого рода. Ничего не делает, жиреет только, а прикидывается, что он такой, сякой, и то наделал, и то поправил. Вишь, чего захотел! Ордена! И ведь получит, мошенник! Получит! Этакие люди всегда успевают. А я? А? Ведь пятью годами старее его по службе и до сих пор не продвинулся по службе. Всё завистники потому что, интриги! Какая противная физиономия! И разнежился: ему совсем не хотелось бы, но только для того, чтобы показать внимание начальства. И ведь чем, подлец, занимается на службе целыми днями? Сидит в своей норе, зевает. То чистит пуговицы, то читает гадательную книгу, то ставит мышеловки по углам своей комнаты, то, скинувши мундир, лежит на постели. И ещё просит, чтобы я замолвил за него. Да, нашёл кого просить, голубчик! Дай ему яичко, да еще и облупенное. Я таки тебе удружу порядочно, и ты таки ордена не получишь! Не получишь! Орден ему! Похожа свинья на быка, да рылом не така! ***(Подтвердительно Степан Петрович ударил несколько раз кулаком по ладони.)*** Поезжай к своей тётушке в Вытребеньки без ордена! Выкуси!

* * *

А продолжилась эта история на постоялом дворе недалеко от родного имения Ивана Фёдоровича.
Не получив ордена, но получив при увольнении звания поручика, что тоже само по себе неплохо, Иван Фёдорович Шпонька отправился к новой жизни, к себе домой.
Передохнуть он остановился на постоялом дворе недалеко от села своего под названием Вытребеньки. Ну, вот такое название. Что ж тут такого?
Слез Иван Фёдорович из рогожной кибитки, отряхнулся и сказал бабам и мужикам, что стояли, разинув рот, и смотрели на небывалого барина.

ШПОНЬКА. Боже, куда я попал, куда?! Где я?! Как скучно жить на белом свете, господа! Где я? А?

Тут пегая собака, бегавшая вокруг кибитки, укусила слазившего с козёл жида-извозчика за икру и тот, как водится, начал причитать на всю округу:

ЖИД. Ах ты, проклятая пегая собака! Что ж ты-таки кинулась под ноги лошадям?! Ты, наверное, заметила-таки, что ось кибитки вымазана салом?! Что ты бегаешь и лаешь взад и вперед, помахивая хвостом и как бы приговаривая: «Посмотрите, люди крещёные, какой я прекрасный молодой человек!» И из-за этого можно кусать бедного жида?! Барин, с вас за повреждения моего тела причитается ещё семь копеек!

ШПОНЬКА. Да замолчи ты, старый жид! Не то увидишь, как я умею тягать за пейсики! Боже ж ты мой, какая провинциальность, куда нелёгкая меня занесла!

Не мешает здесь и сказать, что Иван Фёдорович вообще не был щедр на слова.
Может быть, это происходило от робости, а может, и от желания выразиться красивее.
Но иногда он так любил вскрикивать красиво ни к селу, ни к городу, обращаясь непонятно к кому.
И вот в этом случае продолжил громко:

Ах ты, чёртов постоялый двор! Тут, видно, обыкновенно с большим усердием потчуют путешественника сеном и овсом, как будто бы он был почтовая лошадь? Но вдруг если захочешь красиво позавтракать, как обыкновенно завтракают порядочные люди, то сохранишь в ненарушимости свой аппетит до другого случая!

А жид не унимался, плакал, отмахиваясь от прыгающих вокруг него собак.

ЖИД. Ах ты, проклятая пегая собака! Что ж ты-таки кинулась под ноги лошадям?! Ты зачем укусила бедного, несчастного жида?! Все меня гонят, все меня-таки бьют!

ШПОНЬКА. Да помолчи ты, говорю! Куда ты завёз меня, проклятый жид? Хорошо я, зная все эти тонкости, заблаговременно запасся двумя вязками бубликов и колбасою. И потому не усну голодным волком.

И, толкнув ногою дверь, Иван Фёдорович вошёл в харчевню, уселся за стол на лавке перед дубовым столом, неподвижно вкопанным в глиняный пол, и закричал визгливо:

Дайте водки!

Пришла грязная старуха, подолом платья протёрла жирный стол, пошамкала губами, ушла, принесла в большой бутылке мутную жидкость, поставила на стол.

Иван Фёдорович начал свой ужин.
В продолжение этого времени послышался стук брички. Ворота заскрыпели. Но бричка долго не въезжала на двор.
Громкий голос бранился со старухою, содержавшею трактир.
То был голос Сторченка.

СТОРЧЕНКО. Я взъеду, старая, но если хоть один клоп укусит меня в твоей хате, то прибью, ей-богу, прибью, старая негодная колдунья! И за сено ничего не дам, и не жди!

Григорий Григорьевич вошёл, осмотрелся.
Увидел Ивана Федоровича, сказал зычно:

Желаю здравствовать, милостивый государь!

ШПОНЬКА. И вам доброго здоровьица!

СТОРЧЕНКО. А позвольте вас обнять, а?

ШПОНЬКА. Извольте.

СТОРЧЕНКО. Извольте? Тогда я и сам обниму вас за такую готовность. ***(Они резко, быстро обнялись и отстранились друг от друга, будто каждый учуял, как ел вчера луку с чесноком его обнимавший.)*** А прежде, признаюсь, взглянувши на вашу физиономию, никак нельзя было думать, чтобы вы были путный человек.

ШПОНЬКА. Вот тебе раз! Как так?

СТОРЧЕНКО. Да сурьезно. Позвольте спросить: верно, покойница матушка ваша, когда была брюхата вами, перепугалась чего-нибудь?

ШПОНЬКА ***(в сторону).*** Что за чепуху несет он?

СТОРЧЕНКО. Нет, я вам скажу, вы не будьте в претензии, это очень часто случается. Вот у нашего заседателя вся нижняя часть лица баранья, так сказать, как будто отрезана и поросла шерстью. Ну, совершенно, как у барана. А ведь от незначительного обстоятельства: когда покойница рожала, подойди к окну баран, и нелегкая подстрекни его заблеять.

ШПОНЬКА. Ну, оставим в покое заседателя и барана. С кем имею …

СТОРЧЕНКО. Нет, нет, постойте! Теперь только, как начинаю всматриваться в вас, вижу, что лицо ваше как будто знакомо: у нас в карабинерном полку был поручик, вот, как две капли воды, похож на вас! Пьяница был страшнейший, то есть я вам скажу, что дня не проходило, чтобы у него рожа не была разбита. Вот и у вас, гляжу, как будто не тем концом нос пришит.

ШПОНЬКА. Нос?

СТОРЧЕНКО. Нос.

ШПОНЬКА ***(в сторону).*** У этого уездного медведя, как видно, нет совсем обычая держать язык за зубами. Вся дрянь, какая ни есть на душе, у него на языке. ***(Вслух.)*** Позвольте откланяться. Ехать нужно-с.

СТОРЧЕНКО. А позвольте всё-таки спросить, с кем имею честь говорить?

При таком допросе Иван Фёдорович невольно поднялся с места и стал ввытяжку, что обыкновенно он делывал, когда спрашивал его о чём полковник.

ШПОНЬКА. Отставной поручик, Иван Фёдоров Шпонька.

СТОРЧЕНКО. А смею ли спросить, в какие места изволите ехать?

ШПОНЬКА. В собственный хутор-с, Вытребеньки.

СТОРЧЕНКО. Вытребеньки! Позвольте, милостивый государь, позвольте!

Григорий Григорьевич говорил, подступая к Ивану Фёдоровичу и размахивая руками, как будто

бы кто-нибудь его не допускал или он продирался сквозь толпу.

И, приблизившись, принял Ивана Фёдоровича в объятия и облобызал сначала в правую, потом в левую и потом снова в правую щеку.

Ивану Фёдоровичу очень понравилось это лобызание, потому что губы его приняли большие щеки незнакомца за мягкие подушки.

Вытребеньки! Вытребеньки! Вытребеньки! Вытребеньки! Вытребеньки! Вытребеньки! Вот тебе и Вытребеньки! Позвольте, милостивый государь, познакомиться! Я помещик того же Гадячского повета и ваш сосед. Живу от хутора вашего Вытребеньки не дальше пяти верст, в селе Хортыще.

ШПОНЬКА. В Хортыще?

СТОРЧЕНКО. В Хортыще!

ШПОНЬКА. В Хортыще?

СТОРЧЕНКО. В Хортыще! А фамилия моя Григорий Григорьевич Сторченко. Непременно, непременно, милостивый государь, и знать вас не хочу, если не приедете в гости в село Хортыще. Я теперь спешу по надобности...

Вошел лакей, мальчик в козацкой свитке с заплатанными локтями. Он с недоумевающею миною поставил на стол узлы и ящики и сказал:

МАЛЬЧИК. Милости прошу, паны.

СТОРЧЕНКО. А что это? Что это? Что? ***(Голос Григория Григорьевича незаметно сделался грознее и грознее).*** Разве я это сюда велел ставить тебе, любезный? Разве я это сюда говорил ставить тебе, подлец! Разве я не говорил тебе наперед разогреть курицу, мошенник? Пошёл! ***(Он вскрикнул, топнув ногою).*** Постой, рожа! Где погребец со штофиками? Иван Фёдорович! ***(Он принялся наливать в рюмку настойку).*** Прошу покорно лекарственной!

ШПОНЬКА ***(с запинкою).*** Ей-богу-с, не могу ... Я уже имел случай ...

СТОРЧЕНКО. И слушать не хочу, милостивый государь! И слушать не хочу! У всякого Федорки свои отговорки! С места не сойду, покамест не выкушаете ...

Разрезывая курицу ножом в деревянном ящике, Григорий Григорьевич урчал:

Это курица, милостивый государь, Иван Фёдорович. Надобно вам сказать, что повариха моя Явдоха иногда любит куликнуть и оттого часто пересушивает. Эй, хлопче!

Тут он снова оборотился к мальчику в козацкой свитке, принесшему перину и подушки.

Постели постель мне на полу посереди хаты! Смотри же, сена повыше наклади под подушку! Да выдерни у бабы из мычки клочок пеньки, заткнуть мне уши на ночь!

ШПОНЬКА. Зачем же это в ухо?

СТОРЧЕНКО. Надобно вам знать, милостивый государь, что я имею обыкновение затыкать на ночь уши с того проклятого случая, когда в одной русской корчме залез мне в левое ухо таракан.

ШПОНЬКА. Таракан?! Боже ж мой?!

СТОРЧЕНКО. Таракан, да. Проклятые кацапы, как я после узнал, едят даже щи с тараканами. У-у, эти кацапы, будь они прокляты! Всю кровь нашу выпили! Кругом враги – чалдоны, шкабари, кацапы и прочая нечисть! Невозможно описать, что происходило со мною: в ухе так и щекочет, так и щекочет ... Ну, хоть на стену! Мне помогла уже в наших местах простая старуха. И чем бы вы думали? Просто зашёптыванием. Что вы скажете, милостивый государь, о лекарях? Я думаю, что они просто морочат и дурачат нас. Иная старуха в двадцать раз лучше знает всех этих лекарей.

ШПОНЬКА. Действительно, вы изволите говорить совершенную-с правду. Иная точно

бывает...

Тут он остановился, как бы не прибирая далее приличного слова, что и заметил Сторченко.

СТОРЧЕНКО. Что ж вы остановились, как будто не найдете далее приличного слова?

ШПОНЬКА. Я думаю про омеопатию. В некоторых случаях …

СТОРЧЕНКО. Чего-с? Ох уж эти мне новости, нововведения! Только зашёптыванием, сударь, только зашёптыванием и никакой вашей омеопатии!

ШПОНЬКА. Я-с …

СТОРЧЕНКО Ай, да помолчите! ***(Мальчику).*** Хорошенько, хорошенько перетряси сено! Тут сено такое гадкое, что, того и гляди, как-нибудь попадет сучок. Позвольте, милостивый государь, пожелать спокойной ночи! Завтра уже не увидимся: я выезжаю до зари.

ШПОНЬКА. И я.

СТОРЧЕНКО. Нет уж, сударь, не выйдет. Коли ты тово, так и я тово. А коли ты не тово, так и я не тово.

ШПОНЬКА. То есть?

СТОРЧЕНКО. Ваш извозчик, жид ваш, ну – этот ваш жид: он будет завтра шабашовать, потому что завтра суббота, и вам нечего вставать рано. Не забудьте же моей просьбы: и знать вас не хочу, когда не приедете в село Хортыще.

Мальчик стащил с него сюртук и сапоги и натянул вместо того халат, и Григорий Григорьевич повалился на постель, и показалось, что огромная перина легла на другую.

Эй, хлопче! Куда же ты, подлец? Подь сюда, поправь мне одеяло! Эй, хлопче, подмости под голову сена! Да что, коней уже напоили? Еще сена! Сюда, под этот бок! Да поправь, подлец, хорошенько одеяло! Вот так, еще! ох!.. ***(Засыпая, Григорий Григорьевич ещё и песню спеть успел).*** « … Сам пью, сам гуляю, сам стелюся, сам лягаю!.. Сам пью, сам гуляю, сам стелюся, сам лягаю! .. Сам пью, сам гуляю, сам стелюся, сам лягаю! …»

Тут Григорий Григорьевич еще вздохнул раза два и пустил страшный носовой свист по всей комнате, всхрапывая по временам так, что дремавшая на лежанке старуха, пробудившись, вдруг смотрела в оба глаза на все стороны, но, не видя ничего, успокаивалась и засыпала снова.

ШПОНЬКА ***(подходя к зеркалу).*** Вот ведь как горазд человек спать и храпеть, а? ***(Иван Фёдорович помолчал, посмотрел на себя в зеркало).*** Еще сегодня как-то опустился, а то ведь иной раз точно даже что-то значительное в лице ... Жаль только, что зубы скверные, а то бы совсем был похож на Багратиона. Вот не знаю, как запустить бакенбарды: так ли, чтобы решительно вокруг было бахромкой, как говорят - сукном обшит, или выбрить всё гольем, а под губой завести что-нибудь, а? ***(Снова помолчал, глядя на себя в зеркало, ковырнул прыщик на носу).*** Буду-ка я спать, ежели выйдет при этом храпе …

* * *

На третий день после этого происшествия приближался Иван Фёдорович к своему хуторку.

Тут почувствовал он, что сердце в нем сильно забилось, когда выглянула, махая крыльями, ветряная мельница и когда, по мере того как жид гнал своих кляч на гору, показывался внизу ряд верб. Живо и ярко блестел сквозь них пруд и дышал свежестью.

Здесь когда-то он купался, в этом самом пруде он когда-то с ребятишками брел по шею в воде за раками.

Кибитка взъехала на греблю, и Иван Федорович увидел тот же самый старинный домик, покрытый очеретом, те же самые яблони и черешни, по которым он когда-то украдкою лазил.

Только что въехал он на двор, как сбежались со всех сторон собаки всех сортов: бурые, черные, серые, пегие.

Василиса Кашпоровна выбежала встречать Ивана Фёдоровича на крыльцо и заголосила так, словно Иван Фёдорович умер, а не в добром здравии прибыл домой.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Иван Федорович, Ванюшка! Да яка ж ты еще молода

дытына!

ШПОНЬКА. Какая же я «дытыны», милая тётушка Василиса Кашпоровна! Мне без малого сорок лет! Желаю здравствовать!

Иван Фёдорович, радуясь встрече, смеялся, слез с кибитки.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. И не говори, Ванюшка, и не спорь! Самая что ни на есть дытына!

Сбежалась дворня, состоявшая из поварихи, одной бабы и двух девок в шерстяных исподницах.

ГАПКА. Та се ж паныч наш! Паныч! Паныч! Який вин гарный!

ШПОНЬКА. И не верю, что дома, тётушка!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Пойдем, пойдем к столу, изголодался ты, поди, в дороге, Ванюшка! Пойдем!

Тётушка увлекла его в дом, где всё забегало, засуетилось, готовя угощение барину.

ШПОНЬКА. А тут всё так же! Те же самые яблони и черешни, по которым я когда-то украдкою в детстве лазил!

Иван Фёдорович, войдя в дом, огляделся и сел у стола. Тётушка приплясывала возле него.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Иван Федорович, Ванюшка! Да яка ж ты еще молода дытына! Садись, ешь, пей! Давай, сядем с тобой, так, как говорят: супороть-напупороть! Дружка против дружки!

ШПОНЬКА ***(захихикал).*** Супороть-напупороть?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА ***(тоже стала, прихрюкивая, хохотать).*** Супороть-напупороть! Я тебя рассмотрю хоть! Ой, Ванюшка! Сразу хочу поговорить с тобой, Иван Фёдорович, о деле, которое с давних пор уже меня занимает! Тебе, любезный Иван Федорович, известно, что в твоем хуторе осьмнадцать душ? Впрочем, это по ревизии, а без того, может, наберется больше, может - будет до двадцати четырех.

ШПОНЬКА. Постойте, тётушка, дайте отдышаться.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Нет, Ванюшка, дело прежде всего. Ты знаешь тот лесок, что за нашею левадою?

ШПОНЬКА. Ну?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. И, верно, знаешь за тем же лесом широкий луг: в нём двадцать без малого десятин?

ШПОНЬКА. Ну?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Так вот, травы там столько, что можно каждый год продавать больше чем на сто рублей, особенно если, как говорят, в Гадяче будет стоять конный полк.

ШПОНЬКА. Тётушка, дайте отдышаться. Вы с места в карьер.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Что ж делать, Ванюшка. Ты же знаешь, что я как кавалерист-девица, мне надо всегда саблей махать, дорогу себе пролаживая.

ШПОНЬКА. Знаю, тётушка, что природа сделала непростительную ошибку, определив вам носить темно-коричневый по будням капот с мелкими оборками и красную кашемировую шаль в день светлого воскресенья и своих именин, когда вам …

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Да, правильно, Иван Фёдорович! Когда как мне более всего шли бы драгунские усы и длинные ботфорты.

ШПОНЬКА. Не хотел бы вас огорчать, тётушка, но - ваша правда.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Дак знаешь ли ты про траву?

ШПОНЬКА. Про какую траву?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Да про ту, что за лесом, на лугу, в котором без малого двадцать десятин?

ШПОНЬКА. Как же-с, тетушка, знаю: трава очень хорошая. Да, да, знаю! Хорошая трава! Мне бы чего съесть с дороги …

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Гапка! Неси барину что-нибудь поесть! Видишь, барин умирает от голода, одна кожа да кости!

Пришла Гапка, поставила на стол какие-то грязные горшки, снова убежала. Иван Фёдорович принялся жевать, а Василиса Кашпоровна стала подкладывать ему в тарелки то одного, то другого кушания.

Это я сама знаю, что очень хорошая там трава, но знаешь ли ты, что вся эта земля по-настоящему твоя?

ШПОНЬКА. Как моя?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Что ж ты так выпучил глаза? Твоя! Вот тебе и вся недолг***а***! Слушай, Иван Фёдорович! Ты помнишь Степана Кузьмича? Что я говорю: помнишь! Ты тогда был таким маленьким, что не мог выговорить даже его имени - куда уж! Я помню, когда приехала на самое пущенье, перед филипповкою, и взяла было тебя на руки, так ты чуть не испортил мне всего платья. К счастию, что успела передать я тебя мамке Матрене. Такой ты тогда был гадкий!..

ШПОНЬКА. Я уйду, право – уйду! Тётушка, зачем же вы такое говорите?!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Нет, право же, Иван Фёдорович, такой ты тогда был гадкий!

ШПОНЬКА. Да что же это такое, тётушка, охота вам вспоминать?!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Да сядь, не егози! Ведь правда, Иван Фёдорович! Был ты вот такусенький, а весь в коросте, в золотухе, ходил под себя каждую минутку, запах стоял от тебя такой гадкий не только во дворе, но и во всей округе, и все ходили, носы зажимали и говорили: «Это наш барин припахивает!»

ШПОНЬКА. Тётушка! Хватит! За столом такое! Не дай Бог, услышит кто – засмеют!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Не об этом дело. Так вот, Иван Фёдорович. Вся земля, которая за нашим хутором, и самое село Хортыще было Степана Кузьмича. Он, надобно тебе объявить, еще тебя не было на свете, как начал ездить к твоей матушке. Правда, в такое время, когда отца твоего не бывало дома.

ШПОНЬКА. Я уйду, право – уйду! Тётушка, зачем же вы такое говорите?! На что на такое вы намёкиваете?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Да делов-то. Наше дело бабье такое. Но я, однако ж, это не в укор ей говорю. Упокой, Господи, её душу! Хотя покойница была всегда неправа против меня. Но не об этом дело. Как бы то ни было, но вот знаю я точно, что Степан Кузьмич сделал тебе дарственную запись на то самое имение, об котором я тебе говорила. Земля – наша. Вот тебе и вся недолг***а***! Понимаешь?

ШПОНЬКА. Нет.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Ну, не смекливый какой. Нечего кидать за ворота, коли дома сирота. Понимаешь?

ШПОНЬКА. Кто тут сирота?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Да ты! Ну, слушай далее. Покойница твоя матушка, между нами будь сказано, была пречудного нрава. Сам чёрт, Господи прости меня за это гадкое слово, не мог бы понять ее. Куда она дела эту запись - один Бог знает. Я думаю, просто, что она в руках этого старого холостяка и негодяя Григория Григорьевича Сторченка.

ШПОНЬКА. Как это?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Этой пузатой шельме досталось всё его имение. Я готова ставить Бог знает что, если он не утаил записи.

ШПОНЬКА. Позвольте-с доложить, тетушка: не тот ли это Сторченко, с которым я познакомился на станции?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. С кем это ты знакомился, Ванюшка?

ШПОНЬКА. С Григорием Григорьевичем. С ним мы выпили водки, премного говорили и он мне показался премилый человечек.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Вот как? ***(Тётушка помолчала, пожевала ртом).*** Кто его знает! Может быть, он и не негодяй. Правда, он всего только полгода как переехал к нам жить.

ШПОНЬКА. В такое время человека не узнаешь.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Старуха-то, матушка его, я слышала, очень разумная женщина и, говорят, большая мастерица солить огурцы. Ковры собственные девки ее умеют отлично хорошо выделывать. Но так как ты говоришь, что он тебя хорошо принял, то и поезжай к нему! Может быть, старый грешник послушается совести и отдаст, что принадлежит не ему. Пожалуй, можешь поехать и в бричке, только проклятая детвора повыдергивала сзади неё все гвозди. Нужно будет сказать кучеру Омельке, чтобы прибил везде получше кожу.

ШПОНЬКА. Для чего, тётушка? Я возьму ту повозку, что стоит у крыльца.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Ну, возьми её. Я в ней иногда езжу стрелять дичь. Гапка! А, Гапка?!

Пришла грязная Гапка, встала у стола.

Принеси-ка нам быстро ещё чего покушать! Да швыдче ты!

ГАПКА. А что принести ещё, барыня?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. А принеси-ка ты нам дыню. Ага, дыню! Швыдче! Иван Федорович очень любит дыни.

ШПОНЬКА. Правда ваша, люблю, тётушка. Кушать люблю, но так – не очень!

Оба рассмеялись забавной шутке Ивана Фёдоровича.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. И я тоже - кушать, а так - не очень! Дыня - это моё любимое кушанье. Как только отобедаю, так и выхожу в одной рубашке под навес, сейчас приказываю Гапке принести две дыни. И уже сама разрежу, сама соберу семена в особую бумажку и начну кушать. Ты принесла ли дыню, дура-Гапка?

ГАПКА. Принесла, барыня. Вот вам и чернильница.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. А чернильница зачем?

ГАПКА. Дак вы ж всегда сами, собственною рукою, делаете какую-то надпись над бумажкою с семенами.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Дура ты. Я пишу всегда, чтоб знать: «Сия дыня съедена такого-то числа». Если при этом был какой-нибудь гость, то: «Участвовал такой-то». И

сегодня поедим вот, я напишу: «Участвовал Иван Фёдорович Шпонька». Потому что во всём нужен порядок! Режь дыню!

ГАПКА. Режу. Ой, режу, барыня!

С хлюпанием и пиликаньем принялись тётушка и Иван Фёдорович есть дыню.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Ты ведь знаешь, Ванюша, что я кого хочешь сделаю тише травы. Пьяницу мельника, который совершенно был ни к чему не годен, я собственною своею мужественною рукою, дергая каждый день за чуб, без всякого постороннего средства сумела сделать золотом, а не человеком.

ГАПКА. Да уж, точно.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Господи Боже мой, какая же я хозяйка! Чего у меня нет? Птицы, строение, амбары, всякая прихоть, водка перегонная настоянная, в саду груши, сливы, в огороде мак, капуста, горох ... Чего ж еще нет у меня? .. Хотела бы я знать, чего нет у меня?

ГАПКА. Да всё у вас есть, барыня.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Помолчи.

ШПОНЬКА. Да и рост у вас, тётушка, почти исполинский, дородность и силу имеете вы совершенно соразмерную. И занятия ваши совершенно соответствуют вашему виду.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Да, Ванюшка, я такая. Я сама катаюся на лодке, гребя веслом искуснее всякого рыболова, стреляю дичь, стою неотлучно над косарями, знаю наперечёт число дынь и арбузов на баштане, беру пошлину по пяти копеек с воза, проезжавшего через мою греблю, взлезаю на дерево и трусю …

ШПОНЬКА. Трушу!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Нет, трусю! Трусю груши, бью ленивых вассалов моих своею страшною рукою и подношу достойным рюмку водки из той же грозной руки. И всё для тебя, Иван Фёдорович, денежки собираю! Всё для одного тебя!

ГАПКА. Вы, барыня, почти в одно время умеете браниться, красить пряжу, бегать на кухню, делать квас, варить медовое варенье и хлопотать весь день. Прям как гусеница, у которой сто ног и рук – бегаить, бегаить, бегаить!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. И заметь, Гапка – везде я поспеваю! А ты рот на замок! Молчи, когда барыня говорит! Ну, поел, батюшка? Поезжай сразу, нечего дожидаться! Поезжай и помни, что я тебе сказала! Всё насчет этой земли выясни!

И, легонько подталкивая Ивана Фёдоровича кулачком в спину, тётушка выпроводила Ивана Федоровича во двор, посадила в повозку, махнула рукой на прощание.

* * *

В послеобеденную пору, уже ближе к вечеру, когда солнце золотило верхушки деревьев, Иван Федорович въезжал в село Хортыще.

Бричка въехала во двор господского дому.

Дом этот был длинный и не под очеретяною, как у многих окружных помещиков, но под деревянною крышею. Два амбара во дворе тоже под деревянною крышею, ворота дубовые.

Иван Федорович похож был на того франта, который, заехав на бал, видит всех, куда ни оглянется, одетых щеголеватее его. Из почтения он остановил свой возок возле амбара и подошел пешком к крыльцу.

СТОРЧЕНКО. А! Иван Фёдорович!

Толстый Григорий Григорьевич, ходивший по двору в сюртуке, но без галстука, жилета и подтяжек, запрыгал от радости, увидев Ивана Фёдоровича. Наряд этот, казалось, обременял его тучную ширину, потому что пот катился с него градом. От радости встречи Григорий Григорьевич принялся петь своё любимое:

« … Сам пью, сам гуляю, сам стелюся, сам лягаю!.. Сам пью, сам гуляю, сам стелюся, сам

лягаю! .. Сам пью, сам гуляю, сам стелюся, сам лягаю! …» Что же вы, подлец такой, говорили, что сейчас, как только увидитесь с тетушкой, приедете, да и не приехали?

ШПОНЬКА. Дак я почти сразу и …

СТОРЧЕНКО (пел, разводя руками). «Топор, рукавица! Жена мужа не боится! Рукавица, топор! Жена мужа об забор!» Нет, нет, не сразу, а немного погодя вы приехали, подлец вы такой!

ШПОНЬКА. Большею частию занятия по хозяйству ... Я некоторым образом таких слов не заслуживаю …

СТОРЧЕНКО. Чушь! Мы ждали, да ждали, и все жданки выглядели! «Топор, рукавица! Жена мужа не боится! Рукавица, топор! Жена мужа об забор!..» Ну, желаю здравствовать, милостивый государь!

ШПОНЬКА. И вам доброго здоровьица!

Помолчали.

СТОРЧЕНКО. А позвольте вас обнять.

ШПОНЬКА. Извольте.

СТОРЧЕНКО. Извольте? Тогда я и сам обниму вас за такую готовность. ***(Обнялись, помолчали).*** А прежде, признаюсь, взглянувши на вашу физиономию, никак нельзя было думать, чтобы вы были путный человек.

ШПОНЬКА. Вы мне это в прошлый раз говорили, Григорий Григорьевич …

СТОРЧЕНКО. Говорил? Да нет, нет - сурьезно. Позвольте спросить: верно, покойница матушка ваша, когда была брюхата вами, перепугалась чего-нибудь?

ШПОНЬКА. Да что же это такое?! Вы ведь в прошлый раз это спрашивали!

СТОРЧЕНКО. А я у всех всегда это спрашиваю!

ШПОНЬКА. А зачем же-с?

СТОРЧЕНКО. Нет, я вам скажу, вот затем. Чтобы лучше знать природу человеков! Вот у нашего заседателя вся нижняя часть лица баранья, так сказать, как будто отрезана и поросла шерстью совершенно, как у барана. А ведь от незначительного обстоятельства: когда покойница рожала, подойди к окну баран, и нелегкая подстрекни его заблеять.

ШПОНЬКА. Ну, оставим в покое заседателя и барана. Я ведь это в прошлый раз слышал всё. Я-с приехал к вам на минутку, собственно по делу...

СТОРЧЕНКО. На минутку? Вот этого-то не будет. Эй, хлопче!

Мальчик в козацкой свитке выбежал из кухни.

Скажи Касьяну, чтобы ворота сейчас запер, слышишь, запер крепче!

МАЛЬЧИК. Понял! Запер крепче!

СТОРЧЕНКО. А коней вот этого пана распряг бы сию минуту!

МАЛЬЧИК. Понял! Распряг сию минуту!

СТОРЧЕНКО *(Мальчику).* Что ты орёшь? Ты дурак, братец, что ли?

МАЛЬЧИК. Понял! Дурак, что ли!

СТОРЧЕНКО. Ай, ну их, вражье семя, золотая рота – с ними разбираться, так прежде надо поесть гороху. Прошу в комнату. Здесь такая жара, что у меня вся рубашка мокра.

Иван Федорович, вошедши в комнату, решился не терять напрасно времени и, несмотря на свою робость, наступать решительно.

ШПОНЬКА. Тётушка имела честь ... сказывала мне, что дарственная запись покойного Степана Кузьмича ...

Трудно изобразить, какую неприятную мину сделало при этих словах обширное лицо Григория Григорьевича.

СТОРЧЕНКО. Ей-богу, ничего не слышу! Надобно вам сказать, что у меня в левом ухе сидел таракан. В русских избах проклятые кацапы везде поразводили тараканов. Невозможно описать никаким пером, что за мучение было. Так вот и щекочет, так и щекочет. Мне помогла уже одна старуха самым простым средством ...

ШПОНЬКА. Вы уж рассказывали это. Я хотел сказать, что в завещании покойного Степана Кузьмича упоминается, так сказать, о дарственной записи ... По ней следует-с мне...

СТОРЧЕНКО. Я знаю, это вам тетушка успела наговорить. Это ложь, ей-богу, ложь! Никакой дарственной записи дядюшка не делал. Хотя, правда, в завещании и упоминается о какой-то записи, но где же она? Никто не представил её. Я вам это говорю потому, что искренне желаю вам добра. Ей-богу, это ложь!

ШПОНЬКА. Может быть, и в самом деле тётушке так только показалось …

СТОРЧЕНКО. Показалось! Показалось! Поблазнилось! Примнилось! А-а, вот идёт сюда матушка с сёстрами! Следовательно, обед готов. Пойдемте!

ШПОНЬКА. Нет, нет, я на минуточку!

СТОРЧЕНКО. Вот еще новости!

При сем он потащил Ивана Федоровича за руку в комнату, в которой стояла на столе водка и закуски.

ШПОНЬКА. Нет, нет, мне следует ехать, дела-с …

В то самое время вошла старушка, низенькая, совершенный кофейник в чепчике, с двумя барышнями - белокурой и черноволосой.

Иван Федорович, как воспитанный кавалер, подошел сначала к старушкиной ручке, а после к ручкам обеих барышень.

СТОРЧЕНКО. Это, матушка, наш сосед, Иван Фёдорович Шпонька!

Старушка Наталья Фоминишна смотрела пристально на Ивана Федоровича, или, может быть, только казалась смотревшею. Впрочем, это была совершенная доброта.

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. А сколько вы на зиму насаливаете огурцов?

ШПОНЬКА. Что-с?

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Вы водку пили уже?

СТОРЧЕНКО. Вы, матушка, верно, не выспались. Кто ж спрашивает гостя, пил ли он? Вы потчуйте только, а пили ли мы или нет, это наше дело. Иван Фёдорович! Прошу, золототысячниковой или трохимовской сивушки, какой вы лучше любите? Иван Иванович, а ты что стоишь?

Эти слова произнес Григорий Григорьевич, оборотившись назад, и Иван Федорович увидел подходившего к водке Ивана Ивановича - человека в долгополом сюртуке с огромным стоячим воротником, закрывавшим весь его затылок, так что голова его сидела в воротнике, как будто в бричке.

Иван Иванович подошёл к водке, потер руки, рассмотрел хорошенько рюмку, налил, поднёс к свету, вылил разом из рюмки всю водку в рот, но не проглатывая, пополоскал ею хорошенько во рту, после чего уже проглотил, и, закусивши хлебом с солеными опёнками, оборотился к Ивану Федоровичу.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Не с Иваном ли Федоровичем, господином Шпонькою, имею честь говорить?

ШПОНЬКА. Так точно-с.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Очень много изволили перемениться с того времени, как я вас знаю. Как же, я еще помню вас вот какими!

При этом поднял он ладонь на аршин от пола.

Были вы вот такусенький, а весь в коросте, в золотухе, ходили под себя каждую минутку, запах стоял от вас такой гадкий не только во дворе, но и во всей округе, и все ходили, носы зажимали и говорили: «Это наш барин припахивает!»

ШПОНЬКА. Позвольте, позвольте …

ИВАН ИВАНОВИЧ. Я по-простому, такой вот человек прямой. Ну раз было так, куда же денешься: детство. Оно у всех одинаковое – детство. Покойный батюшка ваш, дай Боже ему царствие небесное, редкий был человек. Арбузы и дыни всегда бывали у него такие, какие теперь нигде не найдете. Вот хоть бы и тут, подадут вам за столом дыни. Что это за дыни? Смотреть не хочется! Верите ли, милостивый государь, что у ваша батюшки были такие вот арбузы …

Это он произнёс с таинственным видом, расставляя руки, как будто бы хотел обхватить толстое дерево.

Ей-богу, вот какие!

СТОРЧЕНКО. Да пойдемте ж за стол!

Все вошли в столовую. Иван Фёдорович взял за локоток Григория Григорьевича и тихонько спросил:

ШПОНЬКА. Не имею чести знать … С кем это сейчас я говорил?

СТОРЧЕНКО. А? Это! ***(Григорий Григорьевич сердито махнул рукой).*** Наш приживал. Иван Иванович Батюшек. А точнее: Иван-Иваныч-Каждой-Дырке-Затыка. С ним надо разговаривать, прежде хорошенько поевши гороху.

ШПОНЬКА. Как это?

СТОРЧЕНКО. Да так это! Он и помещик, и дворянин, и губернский секретарь. Живет неподалече, приезжает, гостит по месяцу и больше. Не выгонишь ведь! Да и девицы-сестрицы у меня не замужем, а он холост, хоть и в годах. Незавидный жених, но на безрыбье и рак рыба … Только вот не торопится он свататься. Да и на что он нужен?

ШПОНЬКА. Как это?

СТОРЧЕНКО. Да вот с такими он странностями, знаете ли. Завел вот обыкновение глядеть из окна решительно на всё, что ни есть на улице. Едет ли проезжий какой-нибудь дворянин, может быть, тоже и губернский секретарь, а может быть, и повыше, в коляске глубокой как арбуз. Или просто мимо окон прокатит жид-извозчик на облучке, покрытом рогожами. Или пронесётся с шумом картинно по улице разбойник. А он всё это рассмотрит. Да пойдемте, батенька, к столу.

Они вошли в столовую, где уже все сидели за столом и, шумно усаживаясь, Григорий Григорьевич, ничуть не смущаясь, продолжал докладывать.

Если ж и никто не проедет, ну - ничего, это не беда. Иван Иванович посмотрит и на курицу, и на чушку, которая пробежит перед окном, и весьма внимательно - от головы до хвоста.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Позвольте, вы про кого это, Григорий Григорьевич?

СТОРЧЕНКО. Помолчи, братец. Про тебя. Или, когда столкнутся два воза, он из окна тут же подаст благоразумные советы: кому податься вперед, кому назад, и первому проходящему прикажет помочь.

Григорий Григорьевич сел на обыкновенном своем месте, в конце стола, завесившись огромною салфеткою и походя в этом виде на тех героев, которых рисуют цирюльники на своих вывесках.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Позвольте, позвольте. Но ведь мне, действительно, из окон виднее.

СТОРЧЕНКО. Конечно, брат ты мой! Потому что ты, Иван Иванович, лучше всех всё знаешь и каждой дырке затыка! Это тебе любой скажет! Ты всегда всё лучше всех знаешь!

Григорий Григорьевич принялся разливать по рюмкам водку, усмехаясь, подхихикивая, толкая локтем в бок Иван Ивановича.

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА ***(Ивану Фёдоровичу).*** Вы водку пили уже?

Иван Фёдорович, краснея, сел на указанное ему место против двух барышень. И Иван Иванович не преминул поместиться тут же.

СТОРЧЕНКО. Матушка, помолчите. Так, нет? Иван Иванович? Если один из его глаз завидит, что мальчик лезет через забор в чужой огород или пачкает углем на стене неприличную фигуру, он подзовёт мальчика очень ласковым голоском к себе, велит потом подвинуться ему ближе к окну, потом еще ближе, потом, протянувши руку, хвать его за ухо! И отдерёт это бедное ухо таким образом, что тот унесет его домой висящее на одной ниточке, как нерадиво пришитую пуговицу к сюртуку.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Дак пусть не делает, чего не надо! Мне виднее!

СТОРЧЕНКО. Если подерутся два мужика, то он сию ж минуту тут же из окна над ними произведёт суд, допросит - чьи они, велит позвать Петрушку и Павлушку, повара и комнатного лакея, и тут же высечет обоих мужиков, а другим еще прикажет придержать. Ему нет нужды, что не его люди.

За столом все смеялись, пока Григорий Григорьевич потешно рассказывал о привычках Ивана Иванович.

НАТАЛИЯ ФОМИНИШНА. Но не всё же время Иван Иваныч сидит у окна, будь честнее, Григорий Григорьевич. Ведь на два часа в день прячет он лицо.

СТОРЧЕНКО. Ага. Во время и после обеда, когда он имеет обыкновение отдыхать. Но и тут случись только какое-нибудь происшествие на улице, Иван Иванович как паук, к которому попадается в паутину муха, вдруг выбежит из своего угла, и уже так знакомое городишку лицо, цвету еще неношенной подошвы, торчит у окна.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Позвольте. Вы меня оскорбили-с. Почему это моё лицо цвета неношеной подошвы?

СТОРЧЕНКО. Ешь. И молчи. Впрочем, вы можете его встретить на базаре, где бывает он каждое утро до девяти часов, выбирает рыбу и зелень для своего стола и разговаривает с отцом Антипом или с жидом-откупщиком.

НАТАЛИЯ ФОМИНИШНА. Вы его тотчас узнаете, потому что ни у кого нет, кроме него, панталон из цветной выбойки и китайчатого желтого сюртука.

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА ***(вдруг подала голос и приняла участие в общем веселии).*** Вот еще вам примета: когда ходит он, то всегда размахивает руками.

НАТАЛИЯ ФОМИНИШНА. Еще покойный тамошний заседатель, Денис Петрович, всегда, бывало, увидевши его издали, говорил: «Глядите, глядите, вон идет ветряная мельница!»

Тут дамы расхохотались и принялись повторять:

НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА. Глядите, глядите, вон идет ветряная мельница!

НАТАЛИЯ ФОМИНИШНА. Глядите, глядите, вон идет ветряная мельница!

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Глядите, глядите, вон идет ветряная мельница!

ИВАН ИВАНОВИЧ. Позвольте. Мне встать и уйти?

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Это ж так полагается за столом при гостях говорить всякие разные весёлые новости. Вот мы и говорим. И вы участвуйте. ***(Мария Григорьевна взглянула на Ивана Фёдоровича, все опять расхохотались).***

СТОРЧЕНКО. Ну, пьём. Понеслась душа в рай, а нога – в полицию. Благослови, Господи, нас! Видишь, он рядом с тобой, Иван Фёдорович сел. Знаешь, зачем? Он радуется душевно, что будет кому сообщать свои познания.

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Вы напрасно взяли куприк, Иван Федорович! Это индейка!

Эти слова бабушка закричала страшно и дико Ивану Федоровичу, которому в это время поднес блюдо Прохор, деревенский официант в сером фраке с черною заплатою. Да так закричала, что Иван Фёдорович вздрогнул и чуть было не выронил вилку.

ШПОНЬКА. Что-с?

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Возьмите спинку!

СТОРЧЕНКО. Матушка! Ведь вас никто не просит мешаться! Будьте уверены, что гость сам знает, что ему взять!

Все вдруг хором заорали:

НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА. Иван Фёдорович, возьмите крылышко, вон другое, с пупком!

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Да что ж вы так мало взяли?

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Возьмите стёгнушко!

СТОРЧЕНКО. Ты что разинул рот с блюдом? Проси! Становись, подлец, на колени! Говори сейчас: «Иван Фёдорович, возьмите стёгнушко!»

ПРОХОР ***(упал на колени и заорал).*** Иван Федорович, возьмите стёгнушко!

ИВАН ИВАНОВИЧ. Гм, что это за индейка! Такие ли должны быть индейки! Если бы вы увидели у меня индеек! Я вас уверяю, что жиру в одной больше, чем в десятке таких, как эти. Верите ли, государь мой, что даже противно смотреть, когда ходят они у меня по двору, так жирны!..

СТОРЧЕНКО. Иван Иванович, ты лжешь!

ИВАН ИВАНОВИЧ. Я вам скажу, что прошлый год, когда я отправлял их в Гадяч, давали по пятидесяти копеек за штуку. И то ещё не хотел продавать.

СТОРЧЕНКО. Иван Иванович, я тебе говорю, что ты лжёшь!

ИВАН ИВАНОВИЧ. Именно, государь мой, не хотел брать. В Гадяче ни у одного помещика ...

СТОРЧЕНКО. Иван Иванович! Ведь ты глуп, и больше ничего. Ведь Иван Фёдорович знает все это лучше тебя и, верно, не поверит тебе.

Тут Иван Иванович совершенно обиделся, замолчал и принялся убирать индейку, несмотря на то что она не так была жирна, как те, на которые противно смотреть.

Стук ножей, ложек и тарелок заменил на время разговор. Но громче всего слышалось *высмактывание* Григорием Григорьевичем мозгу из бараньей кости.

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Читали ли вы, книгу «Путешествие Коробейникова ко святым местам»? Истинное услаждение души и сердца!

СТОРЧЕНКО. Матушка! Помолчите!

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Теперь таких книг не печатают. Очень сожалетельно, что не посмотрела, которого году.

Иван Федорович, услышавши, что дело идет о книге, прилежно начал набирать себе соусу.

СТОРЧЕНКО. Мама! Помолчите, сказал!

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА ***(не слушая).*** Истинно удивительно, государь мой, как подумаешь, что простой мещанин прошел все места эти. Более трех тысяч верст, государь мой! Более трех тысяч верст. Подлинно, его сам Господь сподобил побывать в Палестине и

Иерусалиме.

ШПОНЬКА. Так вы говорите, что он был и в Иерусалиме?.. Я очень много наслышался о Иерусалиме еще от своего денщика.

СТОРЧЕНКО. О чём вы говорите, Иван Фёдорович?

ШПОНЬКА. Я, то есть, имел случай заметить, что какие есть на свете далекие страны! Господи, как я доволен сердечно тем, что выговорил столь длинную и трудную фразу.

Все засмеялись. Громче всех Мария Григорьевна, которая так и смотрела во все глаза на Ивана Фёдоровича.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Да, страны есть такие – ой-ой-ой! Только я вот должен сказать вам, что вот я бывал в таких странах, что - да …

СТОРЧЕНКО. Не верьте ему, Иван Фёдорович! Врёт! Всё врет! Слушайте лучше меня. Расскажу вам одно дело казусное! Знавали ли вы в Устюжском уезде помещицу Евдокию Малафеевну Жеребцову?

ШПОНЬКА. Никак нет.

СТОРЧЕНКО. Не знали? Ну и - хорошо. Она доводится родной теткой мне и одной бестии, моему брату. У ней ближайшими наследниками я да брат - изволите видеть: вот оно куды пошло! Кроме того, еще две мои сестры, вот они сидят, грешные. Ну, они в этих делах не смыслят, потому я отправился разбираться. Позвольте: вот этот мошенник, брат, он на это хоть чёрту в дядьки годится, вот и подъехал он к тётушке: «Вы-де, тётушка, уже прожили, слава богу, семьдесят лет. Где уже вам в таких преклонных летах мешаться самим в хозяйство? Пусть лучше я буду приберегать всё и вас кормить». Вона! Замечайте, замечайте! Переехал к ней в дом, живет и распоряжается, как настоящий хозяин. Да вы слышите ли это?

ШПОНЬКА. Слышу.

СТОРЧЕНКО. То-то! Да. Вот занемогает тетушка, отчего - Бог знает.

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Может быть, он сам и подсунул ей чего-нибудь.

СТОРЧЕНКО. Помолчите, матушка. Мне дают уже знать стороною. Замечайте! Приезжаю. В сенях встречает меня эта бестия, то есть брат, в слезах, так весь и заливается! Весь так и растаял! И говорит: «Ну, - говорит, - братец, навеки мы несчастны с тобою: благодетельница наша» ... «Что, - говорю, - отдала Богу душу?» - «Нет, при смерти». Я вхожу, и точно, тётушка лежит на карачках и только глазами хлопает. Ну, что ж? Плакать? Не поможет. Ведь не поможет?

ШПОНЬКА. Не поможет.

СТОРЧЕНКО. Ну что ж? Нечего делать! Так, видно, Богу угодно! Я приступил поближе. «Ну, - говорю, - тётушка, мы все смертны, один Бог, как говорят, не сегодня, так завтра властен в нашей жизни! Так не угодно ли вам заблаговременно сделать какое-нибудь распоряжение?»

ШПОНЬКА. Что ж тётушка?

СТОРЧЕНКО. Я вижу, не может уже языком поворотить, и только сказала: «Э... э... в... э...» А эта шельма, что стоял возле кровати её, брат, говорит: «Тётушка сим изъясняет, что она уже распорядилась». Слышите, слышите?!

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Как же, да ведь она разве сказала это?

СТОРЧЕНКО. Кой чёрт сказала! Она сказала только «Э... э... э...» Я всё подступаю: «Но позвольте же узнать, тётушка, какое же это распоряжение?»

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Что ж тётушка?

СТОРЧЕНКО. Тётушка опять отвечает: «Э, э, э». А тот подлец опять: «Тетушка говорит, что всё распоряжение по этой части находится в духовном завещании». Слышите? Слышите? Что ж мне было делать? Я замолчал и не сказал ни слова.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Однако ж, позвольте: как же вы не уличили тут же их во лжи?

СТОРЧЕНКО. Что ж? ***(Помахал руками).*** Стали божиться, что она точно всё это говорила. Ну ведь ... И поверил.

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. А духовное завещание распечатали?

СТОРЧЕНКО. Сто раз я тебе про это рассказывал. Распечатали.

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. А еще раз, братец, расскажите. Интересно же. Значит, распечатали?

СТОРЧЕНКО. Распечатали.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Что ж?

СТОРЧЕНКО. А вот что. Как только всё это, как следует, христианским долгом было отправлено, я говорю, что не пора ли прочесть волю умершей. Брат ничего и говорить не может: страданья, отчаянья такие, что люли только! «Возьмите, - говорит, - читайте сами». Собрались свидетели и прочитали. Как же бы, вы думали, было написано завещание?

ШПОНЬКА. Как?

СТОРЧЕНКО. А вот как: «Христофору сыну Григорьевичу Сторченка» - слушайте! – «в возмездие его сыновних попечений и неотлучного себя при мне обретения до смерти» - Замечайте! Замечайте! - «Оставляю во владение родовое и благоприобретенное имение мое в Устюжском уезде ...» Вона! Вона! Вона куды пошло! - «Пятьсот ревизских душ, угодья и прочее». А? Слышите ли вы это? Далее! «Племяннику» - Вона! Замечайте! Вот тут настоящий типун! – «Племяннику моему, Григорию Григорьевичу сыну Сторченка», То есть – мне! Слушайте, слушайте! - «На память обо мне»... - Ого! Го! - «Завещаю: три штаметовые юбки и всю рухлядь, находящуюся в амбаре, как-то: пуховика два, посуду фаянсовую, простыни, чепцы», и там чёрт знает еще какое тряпье! А? Как вам кажется? Я спрашиваю: на кой чёрт мне штаметовые юбки?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Ах, он мошенник этакий! Прошу покорно!

СТОРЧЕНКО. Мошенничество - это так, я с вами согласен. Но спрашиваю я вас: на что мне штаметовые юбки? Что я с ними буду делать? Разве себе на голову надену!

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. И свидетели подписались при этом?

СТОРЧЕНКО. Как же-с, набрал какой-то сволочи.

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. А покойница собственноручно подписалась?

СТОРЧЕНКО. Вот то-то и есть, что подписалась, да чёрт знает как!

ШПОНЬКА. Как?

СТОРЧЕНКО. А вот как: покойницу звали Евдокия, а она нацарапала такую дрянь, что разобрать нельзя.

ШПОНЬКА. Как так?

СТОРЧЕНКО. Чёрт знает что такое. Ей нужно было написать: «Евдокия», а она написала: «Обмокни».

ШПОНЬКА. Что вы!

СТОРЧЕНКО. О, я вам скажу, что он горазд на всё. «А племяннику моему Григорию Григорьевичу три штаметовые юбки!»

ИВАН ИВАНОВИЧ ***(в сторону).*** Молодец, однако ж, Христофор Григорьевич, я бы никак не мог думать, чтобы он ухитрился так!

СТОРЧЕНКО ***(снова помахал руками, вскочил, прошёл по комнате).*** «Обмокни!» Что ж это значит? Ведь это не имя: «Обмокни»? Какой к чёрту «Обмокни»? Ишь, «Обмокни»!

ШПОНЬКА. Как же вы намерены поступить теперь?

СТОРЧЕНКО. Я подал уже прошение об уничтожении завещания, потому что подпись ложная. Пусть они не врут: покойницу звали Евдокией, а не «Обмокни»!

Он вдруг сел за стол, уронил голову на руки и заплакал.

Боже ж ты мой! И вот тебе наказание! Эти две на моей шее – перестарки чёртовы, никто замуж их не берёт, – потом этот тут трётся, и ещё вдобавок – матушка всё никак не околеет! А ты, господин Шпонька, приехал тут права качать, бумаги искать …

Воцарилось молчание.

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА ***(громко).*** Что ж, все ли наелися? Пойдемте тогда ко мне в гостиную. Там у меня осталась водка … ***(Ивану Фёдоровичу).*** Вы уже пили водку?

СТОРЧЕНКО ***(встал, вытер слезы).*** А я, с вашего позволения, отправлюсь в свою комнату, по обыкновению немножко всхрапнуть.

ШПОНЬКА. А я бы всё же хотел переговорить с вами по моему делу …

СТОРЧЕНКО. Ах, оставьте. Поглядите лучше, как в гостиной у матушки преобразился столик, а? ***(Он вдруг сквозь непросохшие на лице слёзы заулыбался, приплясывая, открыл двери в соседнюю комнату).*** Он как по волшебству покрылся блюдечками с вареньем разных сортов и блюдами с арбузами, вишнями и дынями. Ах, матушка, матушка! Пардон, всхрапну-ка я, совсем расклеился.

Григорий Григорьевич зевнул и удалился к себе.

А гости пошли вслед за старушкою хозяйкою и барышнями в гостиную.

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Я вам открою все мои секреты.

ШПОНЬКА. Право, я не знаю, как думать-с.

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Что ж вы подумали? Бабушка хочет открыть секрет делания пастилы и сушения груш. ***(Смеётся).*** Вы такой смешной!

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Ничего смешного, Машенька, не вижу. А огурцы?! Вы знаете, что надо сделать, чтобы вышли солёные огурцы?

ШПОНЬКА. Не сильно-с.

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Слушайте! Капусту помойте, разрежьте кочан на четыре части, удалите кочерыжку, мелко пошинкуйте. Огурцы порежьте вот так на пластинки, а потом ещё меньше - как капусту. Потом уложите всё это в банки и залейте горячим рассолом. И тогда будет такой смак, такой триндец, должна сказать я вам, а не огурцы!

ИВАН ИВАНОВИЧ. Наталья Фоминишна, протестую! Это же мой рецепт! Я вам его рассказал! Да что ж вы всякому встречному и поперечному мои секреты раздаете! И не так вовсе!

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. А как?

ИВАН ИВАНОВИЧ. А так: половину этого рассола надо заменить огуречным рассолом. Тогда соли нужно положить в три раза меньше.

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Я тоже-с знаю причину хороших огурцов.

ШПОНЬКА. Интересно-с?

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Часть капусты в огурцах можно заменить морковью или яблоками, но количество огурцов не уменьшайте-с.

ШПОНЬКА. Боже ж ты мой, какие однако-с, тонкости играют такую существеннейшую роль в хозяйстве!

ИВАН ИВАНОВИЧ. Ах, какие в старину были разумные люди! Куда против теперешних!

ШПОНЬКА. Что-с?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Вы заметили, как всё, чем далее, умнеет и доходит к выдумыванию мудрейших вещей?

ШПОНЬКА. Как-с?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Я с величайшим удовольствием люблю подзаняться услаждающим душу разговором и готов говорить обо всем, о чем только можно говорить. Я знаю всё: как нужно делать грушевый квас, как велики те дыни, о которых я говорю, если их видел, и как жирны те гуси, которые бегают у меня по двору.

ШПОНЬКА. Позвольте мне откланяться. Пора ехать-с.

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Куда же вы? Нет, мы вас насильно оставим ночевать.

ШПОНЬКА. Нет, нет, несмотря на мою сговорчивость, я-таки устою-таки в своем намерении ехать. И уеду.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Да пусть едет, куда ему с нами …

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Да стойте, мы же как следует и не поговорили …

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. А рецепты мои, рецепты записали, нет?

ШПОНЬКА. До свиданциа.

Иван Федорович раскланялся и вывалился прочь из дома, прыгнул в бричку и крикнул: «Гони!» Барышни глянули в окно, вслед ему, старуха тоже горела глазом, Иван Иваныч начал говорить, уходя из гостиной, хватаясь за голову:

ИВАН ИВАНОВИЧ. Да разве ж так надо ездить?! Не так, не так ездить надо!

А Мария Григорьевна сказала сестрица:

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Уехал. И даже не посмотрел как следует. Всё краснел и бормотал чего-то. Женихов-то более и нету. Что это, Господи Боже мой, долго ли я буду в девках оставаться? Нет, да и нет женихов. Вымерли, как будто от чумы. Бывало, прежде благовоспитанные люди сами отправляются искать невест, а теперь ищи их. Ей-богу, никакого уважения к женскому полу.

НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА. Я послала Марфу Фоминишну, не сыщет ли хоть на ярманке. Был бы только дворянин да порядочной фамилии. Да вот и ее что-то нет до сих которую неделю.

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Ух, и страшно, как подумаешь: ну, вот приедет жених. У меня так сердце и бьется.

НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА. Да ничего, пусть приезжает, не будет страшно.

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Ну вот. Приехал же? Ну и что ж ты с ним слова не сказала? Он, поди, подумал про тебя, что ты немая?

НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА. Отстань! Я его как увидела, так и онемела. Такая душка! Такая душка! Такая душка!

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Да! Такая душка! Такая душка! Такая душка!

Тут сёстры разом и дружно зарыдали.

* * *

Ночь стояла на дворе, звёзды высыпали на небо.
Иван Фёдорович въезжал в своё село Вытребеньки. Кучер Омелька сидел на облучке и, находясь в благодушии после выпитой рюмки водки с дворовыми в Хортыще, говорил несказанно много.

ОМЕЛЬКА. Позвольте вам доложить, Иван Фёдорович, что кучера кучерам рознь. Оно, конечно, так как кучера по обыкновению больше своему находятся неотлучно при лошадях, иногда подчищают, с позволения сказать, кал. Конечно, человек простой, выпьет стакан водки или, по недостаточности больше, выкурит обыкновенного бакуну, какой большею частию простой народ употребляет. Да, так оно натурально, что от него иногда, примерно сказать, воняет навозом или водкой. Конечно, всё это так, да. Однако ж, согласитесь сами, Иван Фёдорович, что есть и такие кучера, которые хотя и кучера, однако ж, по обыкновению своему, больше, примерно сказать, конюхи, нежели кучера. Их должность, или так выразиться, дирекция состоит в том, чтобы отпустить овес или укорить в чем, если провинился форейтор или кучер.

ШПОНЬКА. Как ты много красиво любишь говорить, Омелька!

ОМЕЛЬКА. Не стоит благодарности, сударь. Оно, конечно, не всякий человек имеет, примерно сказать, речь, то есть дар слова. Натурально, бывает иногда ... что, как обыкновенно говорят, косноязычие ... Да. Или иные прочие подобные случаи, что, впрочем, уже происходит от натуры ...

Встречи с девицами так разволновали Иван Фёдоровича, сердце его так билось, что ему хотелось кричать и говорить со всем миром.
Вдруг крикнул он Омельке, глядя на белые звезды, что высыпали на небо:

ШПОНЬКА. Стой, стой ты!

ОМЕЛЬКА. Барин, ехать надо, ночь уже …

ШПОНЬКА. Поспеешь! Благодать-то какая, Омелька, слышишь?!

ОМЕЛЬКА. Ась?

Встав на повозке, Иван Фёдорович вдруг простёр руки к небу и заговорил, уливаясь слезами:

ШПОНЬКА. Вдохновенная, небесноухающая, чудесная ночь! Любишь ли ты меня? По-прежнему ли ты глядишь на своего любимца, не изменившегося ни годами, ни тратами, и горишь и блещешь ему в очи, и целуешь его в уста и лоб? Ты так же ли по-прежнему ли смеешься, месячный свет? О Боже, Боже, Боже! Такие ли звуки, такие снуются и дрожат в тебе? Клянусь, я слышал эти звуки, я слышал их один в то время, когда я перед окном: на груди рубашка раздернута, и грудь и шея мои навстречу освежительному ночному ветру ... Какой божественный, и какой чудесный и обновительный, утомительный, дышащий негой и благовонием, рай и небеса - ветер ночной! Дышащий радостным холодом ветер урывками обнимал меня и обхватывал своими объятиями, и убегал, и вновь возвращался обнимать меня, а черные, угрюмые массы лесу, нагнувшись, издали глядели, и над ними стоял торжественный, несмущенный воздух. И вдруг соловей ... О, небеса, как загорелось всё, как вспыхнуло! У, какой гром ... А месяц, месяц ... Отдайте, возвратите мне, возвратите юность мою, молодую крепость сил моих, меня, свежего - того, который был. О, невозвратимо всё, что ни есть в свете …

Молчание.

ОМЕЛЬКА. Ась, барин? Ехать надо, а?

ШПОНЬКА ***(вытер слёзы, сел в повозку).*** Ты хоть что-то понял, Омелька?

ОМЕЛЬКА. А как же-с.

ШПОНЬКА. Невозвратимо. Невозвратимо всё …

ОМЕЛЬКА. Это правда. Где ты, молодость моя, куды ты подевалася? По окопам, по землянкам быстро истаскалася …

ШПОНЬКА. Невозвратимо всё …

ОМЕЛЬКА. Иван Фёдорович, есть и такие кучера, которые хотя и кучера, однако ж, по обыкновению своему, больше, примерно сказать, конюхи, нежели кучера … Они, понимаешь, кал …

Иван Федорович махнул рукой, вытер слезы.

ШПОНЬКА. Поезжай, дурак …

Темнота

Занавес

Конец первого действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

* * *

Тётушка выскочила к повозке Ивана Фёдоровича за ворота.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Иван Федорович, Ванюшка! Приехал? Глаза горят! Да яка ж ты еще молода дытына!

ШПОНЬКА. Какая же я «дытыны», милая тётушка Василиса Кашпоровна! Мне без малого сорок лет, сколько ж вам говорить?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. И не говори, Ванюшка, и не спорь. Ну что? Выманил у старого лиходея запись? Уж несколько часов дожидаюсь я тебя на крыльце и не вытерпела, наконец, чтоб не выбежать за ворота! Думала, убьют тебя они, супостаты!

ШПОНЬКА. Да за что же?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Да за эту запись!

ШПОНЬКА. Нет, тётушка! У Григория Григорьевича нет никакой записи.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. И ты поверил ему?!

ШПОНЬКА. Да он приличный человек. И сестрицы его …

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Врет он, проклятый! Когда-нибудь попаду к нему, и право, поколочу его собственными руками. О, я ему поспущу жиру!

ШПОНЬКА. Тётушка, вы ещё и взаправду выполните своё намерение …

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Выполню! Впрочем, нужно наперёд поговорить с нашим подсудком, нельзя ли судом с него стребовать ... Но не об этом теперь дело. Ну, расскажи, что ж, обед у них был хороший?

ШПОНЬКА. Очень ... Да, весьма, тетушка.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Лучше чем у нас?

ШПОНЬКА. Может, и лучше.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Ну, батюшка Иван Фёдорович. Тебе не угодишь. Барскому псу и мосол не мосол.

ШПОНЬКА. Да почему же – мосол, как мосол.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Ну, какие ж были кушанья, расскажи? Старуха-то, я знаю, мастерица присматривать за кухней.

ШПОНЬКА. Сырники были со сметаною, тетушка. Соус с голубями, начищенными ...

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. А индейка со сливами была? Я спрашиваю, потому что сама большая искусница приготовлять это блюдо.

ШПОНЬКА. Была и индейка! Весьма красивые барышни, сестрицы Григория Григорьевича, особенно белокурая!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Да ведь они перестарки!

ШПОНЬКА. Да что вы такое непотребное говорите, тётушка?!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА ***(схватилась за сердце).*** А!

ШПОНЬКА. Что?!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. А!

ШПОНЬКА. Что, что?! Да что?!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. А! А! А!

Тётушка пришла в неимоверное волнение.

Что ж ты, Ванюшка, покраснел и потупил в землю глаза? То-то я гляжу, ты приехал, на улице прохладно, а щёки у тебя горят, а?

ШПОНЬКА. Ничего не горят, тётушка.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Ну, что ж? Какие у ней брови? У белокурой?

ШПОНЬКА. Да при чём тут, тётушка, брови?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Не мешает тебе заметить, что я всегда поставляю первую красоту женщины в бровях.

ШПОНЬКА. Брови, тётушка, совершенно-с такие, какие, вы рассказывали, в молодости были у вас.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Такие же?

ШПОНЬКА. Такие же.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Дак она красавица!

ШПОНЬКА. И по всему лицу небольшие веснушки.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. А! Очень я довольна твоим замечанием!

ШПОНЬКА. Я, однако ж, не имел и в мыслях сказать этим вам комплимент.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Какое ж было на ней платье?

ШПОНЬКА. Ну, такое …

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Поняла. Теперь трудно найти таких плотных материй, какая вот хоть бы, например, у меня на этом капоте. Но не об этом дело. Ну, что ж, ты говорил о чем-нибудь с нею?

ШПОНЬКА. То есть как?.. Я-с, тетушка? Вы, может быть, уже думаете ...

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. А что ж? Что тут диковинного? Так Богу угодно! Может быть, тебе с нею на роду написано жить парочкою.

ШПОНЬКА. Тётушка! Как вы можете?!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. А знаешь ли ты такую песню: «Топор, рукавица! Жена мужа не боится! Рукавица, топор! Жена мужа об забор!»

ШПОНЬКА. Да пел мне её Григорий Григорьевич! Вы, стало быть, её тоже знаете?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Да кто ж её не знает?

ШПОНЬКА. Да про что эта песня?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Про любовь в семейном браке, Иван Фёдорович!

ШПОНЬКА. Про какую же любовь? Я уйду, право, уйду!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Ну вот, уже и обиделся! Ладно, Ванюшка. Иди, отдыхай!

С этими словами тётушка выпроводила Ивана Фёдоровича в спальню.

Гапка! Постели барину!

ГАПКА. Слушаюсь, барыня.

Василиса Кашпоровна осталась одна, встала у окна, принялась плакать. Вошла Гапка.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Ще молода дытына, ничего не знает! Нужно их свести вместе, пусть познакомятся! Ванюшка, я только и думаю теперь о том, как увидеть скорее тебя женатым и понянчить маленьких внучков. В голове моей громоздятся одни только приготовления к свадьбе, я во всех делах суечусь гораздо более, нежели прежде, хотя, впрочем, эти дела более идут хуже, нежели лучше.

ГАПКА ***(тоже слёзы вытирала, хоть и не понимала, отчего барыня плачет).*** Хотите, барыня, киселя?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. А какой у тебя кисель, Гапка?

ГАПКА. Смородиновый.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Ну, давай.

ГАПКА. Нате. ***(Гапка протянула барыне кувшин, и тётушка отпила из горлышка).***

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. А из чего ты сделала его?

ГАПКА. Из того, что вы приказали.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. А из чего я приказывала?

ГАПКА. Из той смородины, что третьего года в погребе забродила.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Ну, и хороший кисель, Гапка?

ГАПКА. Хороший. Только кто попьёт его, дюже животы у всех во дворе болят. А так - ничего.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Это не «болят», Гапка, а зараза выходит, в препорцию выгоняет ненужное, поняла, дура?

ГАПКА. Поняла, барыня.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Господи Боже мой, какая я хозяйка! Чего у меня нет? Птицы, строения, амбары, всякая прихоть, водка перегонная настоянная, в саду груши, сливы, в огороде мак, капуста, горох ... Чего ж ещё нет у меня? ..

ГАПКА. А чего нет, барыня?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Вот и хотела бы я знать, чего нет у меня?

Тётушка расплакалась ещё пуще. Гапка поражённо смотрела на неё.

ГАПКА. Барыня, что вы делаете?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. А что?

ГАПКА. Вы эти пирожки протянули, и их съела дворовая собака. Кому вы пирожки протягиваете, барыня?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Дура! Какое твоё дело? Твоё дело: из носа – кап, в рот –

хап! ***(Тётушка захлебнулась в рыданиях).*** Я, позабывшись и воображая, что возле меня стоит маленький внучек, просящий пирога, протянула к нему руку с лучшим куском …

ГАПКА. Ну вот. А дворовая собака, пользуясь этим, схватила такой кусок.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Она меня своим громким чваканьем вывела из задумчивости. Я ее завтра же побью кочергой. Не теперь. Теперь – поплачу. Теперь-то ты поняла, чего у меня не хватает?

ГАПКА. Поняла, барыня.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Внучат у меня не хватает, вот чего. Про это думаю, и оттого я совсем оставила свои любимые занятия.

ГАПКА. И вы теперь не ездите на охоту.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Потому что, дожидаясь Ванюшки, я строила и строила планы, рассеялась вот и на последней охоте вместо куропатки застрелила ворону, чего никогда прежде со мной не бывало.

ГАПКА. Постарели вы, барыня.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Дура! Мне надо женить барина! Этим и займусь! Двух куропаток застрелю! Двух ворон придавлю! И землю заберу Ивану Федоровичу, и женю его! Надо ехать к ним с проверкою, знакомиться и присматриваться! Иди, приготавливай мне платье! И скажи Омельке, пусть готовит ту праздничную бричку, у которой один бок выше другого! Я влезу с большого бока, а Иван Фёдорович – с малого! Бричка старая, но крепкая!

ГАПКА. Люди говорят, что это та самая бричка, в которой еще ездил Адам!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Правильно говорят! Если кто будет выдавать другую бричку за адамовскую, то это сущая ложь и бричка непременно та поддельная. Я не знаю, как наша эта бричка спаслась от потопа.

ГАПКА. Должно думать, в Ноевом ковчеге был особенный для неё сарай.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Вот пусть Омелька запряжет тройку лошадей, тех, что еще и постарше брички, посолиднее чтоб! И в путь! Ничего, я знаю, что делаю! Лиса всё хвостом прикроет!

* * *

Тётушка с Иваном Фёдоровичем отправились навестить Григория Григорьевича Сторченко, его матушку и его сестриц.
Часа через два кибитка остановилась пред крыльцом дома Сторченка. Старушка с барышнями вышли встретить гостей в столовую. Тётушка подошла величественным шагом, с большою ловкостию отставила одну ногу вперёд и сказала громко:

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Очень рада, государыня моя, что имею честь лично доложить вам мое почтение.

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. А вот Григория Григорьевича нету дома, уехал два дня как по делам завещания его тётушки, уехал в город …

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Да неужто нам, дамам, сударыня, и этому милому кавалеру не найдется про что говорить?

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Дак найдётся! А вы пили водку?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Пила-с уже-с.

После сего последовало всеобщее лобызание.

А вместе с решпектом позвольте поблагодарить за хлебосольство ваше к племяннику моему Ивану Фёдоровичу, который много им хвалится. Прекрасная у вас гречиха,

сударыня!

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА ***(поразилась).*** А вы откуда знаете?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Я видела её, подъезжая к селу. А позвольте узнать, сколько коп вы получаете с десятины?

Когда же уселись в гостиной, то старушка хозяйка принялась хвастать:

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Насчет гречихи я не могу вам сказать: это часть Григория Григорьевича. Я уже давно не занимаюсь этим. Да и не могу: уже стара!

ИВАН ИВАНОВИЧ. В старину у нас, бывало, я помню, гречиха была по пояс, теперь Бог знает что …

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Помолчи, братец. Хотя, впрочем, и все говорят, что теперь все лучше.

Тут старушка вздохнула, и какому-нибудь наблюдателю послышался бы в этом вздохе вздох старинного осьмнадцатого столетия.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Я слышала, моя государыня, что у вас собственные ваши девки отличные умеют выделывать ковры

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Вы меня этим задели за самую чувствительную струну. Сейчас я вам расскажу, как должно красить пряжу, как приготовлять для этого нитку.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Нет, давайте я расскажу.

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Расскажешь, расскажешь! Только после.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. А с ковров быстро съедем на соление огурцов и сушение груш.

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Ой, как я люблю рассказывать про соление!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. А про озимые вы мне не расскажете?

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Расскажу. И про озимые расскажу. Вот что я вам ещё скажу. Говорят, что три короля объявили войну царю нашему.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Да, говорил мне Иван Фёдорович. Что ж это за война? И отчего она?

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Наверное не можно сказать, Василиса Кашпоровна, за что она. Я полагаю, что короли хотят, чтобы мы все приняли турецкую веру.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Вишь, дурни, чего захотели!

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Вот видите, а царь наш и объявил им за то войну. Нет, говорит, примите вы сами веру Христову!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Что ж? Ведь наши побьют их, Наталья Фоминишна?

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Конечно, побьют. Наши – да не побьют. Можете не сумлеваться.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Мне кажется, будто мы с вами век были знакомы.

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Да не угодно ли посмотреть моё хозяйство? Сначала посмотрим мои соления, ковры, а уж потом и пообедаем, это дело не терпит отлагательств.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Такие ли делали ранее ковры! Так ли солили ранее! Вот помню …

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Помолчи, батюшка.

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. И правда, лучше бы вы не лезли в умственный такой разговор, только перебиваете людям мысль. Я как раз заслушалась. И вообще: отчего это у вас, Иван

Иванович, сюртук коричневый, а рукава голубые?

ИВАН ИВАНОВИЧ. А у вас и такого нет! Подождите, обносится, весь будет одинаковый!

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Ей-богу, Иван Иванович, с вами говорить нужно, наевшись гороху. Идёмте.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Меня все так и хотят обидеть, а я человек маленький …

Старушка встала. За нею встали барышни и Василиса Кашпоровна, и все потянулись в девичью. Тетушка, однако ж, дала знак Ивану Федоровичу остаться и сказала что-то тихо старушке. Та тут же откликнулась.

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Машенька! Останься с гостем, да поговори с ним, чтобы гостю не было скучно!

Белокурая барышня осталась и села на диван.

Иван Федорович сидел на своем стуле как на иголках, краснел и потуплял глаза. Но барышня, казалось, вовсе этого не замечала и равнодушно сидела на диване, рассматривая прилежно окна и стены или следуя глазами за кошкою, трусливо пробегавшею под стульями.

Иван Федорович немного ободрился и хотел было начать разговор. Но казалось, что все слова свои растерял он на дороге. Ни одна мысль не приходила на ум.

Мария Григорьевна вдруг рассмеялась.

ШПОНЬКА. Что-с?

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Какие у вас пуговицы смешные.

ШПОНЬКА. Отчего-с?

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Эти восемь пуговиц у вас на мундире насажены таким образом, как бабы садят бобы.

ШПОНЬКА. Как это-с?

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Одна направо, другая налево.

ШПОНЬКА. Да-с.

Опять помолчали. Иван Фёдорович барабанил пальцами по столу.

Наконец Иван Фёдорович собрался духом.

ШПОНЬКА. Летом очень много мух, сударыня!

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Чрезвычайно много! Братец нарочно сделал хлопушку из старого маменькиного башмака. Но все еще очень много.

ШПОНЬКА ***(поднял вверх глаза).*** Довольно хорошо у вас потолки расписаны: на свой или хозяйский счет?

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Нет, ведь это не казенная квартира.

ШПОНЬКА. Очень, очень не дурно: корзиночка, лира, вокруг сухарики, бубны и барабан! Очень, очень натурально! Это я просто представил, что я еще на службе и потому думал, что я где-то на казенной квартире.

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Вы и служили, надо же. Как мне нравятся драгуны.

Помолчали.

ШПОНЬКА. Какой он, всё-таки, наш великий русский народ-с!

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Что-с?

ШПОНЬКА. Да вот, такие поговорки, что и заслушаешься. Или песни.

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Песни наши девки хорошо поют вечером. Когда скучно.

ШПОНЬКА. Ну вот.

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. А какие вы знаете?

ШПОНЬКА. «Топор, рукавица! Жена мужа не боится!»

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Это братец поёт! Она такая страшная!

ШПОНЬКА. Отчего же с-?

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Потому что там она ка-ак взяла и ударила его об забор головой.

ШПОНЬКА. Так не возможно-с. Так только в песне-с. Обычно – наоборот.

Шпонька опять начал барабанить пальцами, наконец, взялся за шляпу и принялся раскланиваться.

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. А вы уже хотите...

ШПОНЬКА. Да-с. Извините, что, может быть, наскучил вам.

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Как-с можно! Напротив, я должна благодарить за подобное препровождение времени.

ШПОНЬКА. А мне так, право, кажется, что я наскучил. Ну, так если нет, так позвольте мне и в другое время, когда-нибудь ... Пойду-ка я к тётушке, а то пропущу в их разговоре с вашей матушкою что-то важное про соление огурцов и ковры …

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Очень приятно-с.

Шпонька быстро вышел в соседнюю комнату.
Мария Григорьевна осталась одна.

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Какой достойный человек! Я теперь только узнала его хорошенько. Право, нельзя не полюбить: и скромный, и рассудительный. Жаль только, что он так скоро ушел, а я бы еще хотела его послушать. Как приятно с ним говорить! И ведь, главное, то хорошо, что совсем не пустословит. Я, было, хотела ему тоже словца два сказать, да, признаюсь, оробела, сердце так стало биться ... Какой превосходный человек! Пойду, расскажу сестрице ...

Мария Григорьевна побежала в другую комнату.
А в соседней комнате пир начался горой.

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Прошу выкусить. Вот мнишки в сметане, вот утрибок - его подают только к борщу, вот индейка с сливами и изюмом …

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. А что это за кушанье, Наталья Фоминишна, похожее на сапоги, вымоченные в квасе?

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Матушка моя, это ж бараний бок с арбузными семечками ... А этот соус - есть лебединая песнь моего старинного повара. А этот соус, обхваченный весь винным пламенем, делается из смородиновой водки …

Иван Иванович, налегая на закуски, весело говорил:

ИВАН ИВАНОВИЧ. Ай, как это пламя пугает и забавляет дам!

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Вы напрасно взяли куприк, Василиса Кашпоровна! Это индейка!

Эти слова бабушка закричала страшно и дико Василисе Кашпоровна, которой в это время поднёс блюдо всё тот же Прохор, деревенский официант в сером фраке с черною заплатою. Да так закричала, что Василиса Кашпоровна вздрогнула и чуть было не выронила вилку.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. А?

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Возьмите спинку!

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Матушка! Ведь вас никто не просит мешаться! Будьте уверены, что гость сам знает, что ему взять!

Все вдруг хором заорали:

НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА. Василиса Кашпоровна, возьмите крылышко, вон другое, с пупком!

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Да что ж вы так мало взяли?

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Возьмите стёгнушко!

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Ты что разинул рот с блюдом? Проси! Становись, подлец, на колени! Говори сейчас: «Василиса Кашпоровна, возьмите стёгнушко!»

ПРОХОР ***(упал на колени и заорал).*** Василиса Кашпор-р-р-р-ровна, возьмите стёгнушко!

Все налегли на еду.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Такие ли раньше были обеды!

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Да помолчи ты, калика перехожая!

ШПОНЬКА ***(быстро вошёл и встал возле тётушки).*** Тётушка, мне нездоровится, поедемте домой.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Да Господь с тобой, мы только начали!

ШПОНЬКА. Поедемте!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Да как это?

Иван Фёдорович решительно раскланялся и вышел, сел в кибитку.
Все за столом остолбенели.
Василиса Кашпоровна, быстро утеревшись, вышморгнула за ним.

* * *

Старушка и барышни вышли на крыльцо проводить гостей и долго еще кланялись выглядывавшим из брички тётушке и племяннику.
А те тряслись в повозке, переваливаясь из одного её бока в другой.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Ну, Иван Фёдорович! Что ты так сразу и резко всех покинул?

ШПОНЬКА. Не могу больше там, не могу!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Да что случилось?

ШПОНЬКА. Ничего.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. О чем же вы говорили вдвоём с барышней?

ШПОНЬКА. Весьма скромная и благонравная девица Марья Григорьевна!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Слушай, Иван Федорович! Я хочу поговорить с тобою сурьезно. Ведь тебе, слава богу, тридцать осьмой год.

ШПОНЬКА. Тридцать семь ровно.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Ну вот. Чин ты уже имеешь хороший.

ШПОНЬКА. Я поручик. Только ордена у меня нет. А так – есть всё.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Пора подумать и об детях!

ШПОНЬКА. Что-с?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Тебе непременно нужна жена ...

ШПОНЬКА. Как, тётушка! Как жена?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Так - жена.

ШПОНЬКА. Нет-с, тетушка, сделайте милость ... Вы совершенно в стыд страшный меня приводите ...

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Ну дак и что ж?

ШПОНЬКА. Я еще никогда не был женат ...

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Ну дак и будешь!

ШПОНЬКА. Я совершенно не знаю, что с нею делать!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Узнаешь, Иван Фёдорович, узнаешь. Куды ж! Ще зовсим молода дытына, ничего не знает! Да, Иван Фёдорович! Лучшей жены нельзя сыскать тебе, как Марья Григорьевна.

ШПОНЬКА. Как – Марья Григорьевна?!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Тебе же она притом очень понравилась.

ШПОНЬКА. Как – понравилась?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Мы уже насчет этого много переговорили со старухою.

ШПОНЬКА. Когда ж вы успели?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Она очень рада видеть тебя своим зятем. Ещё неизвестно, правда, что скажет этот греходей Григорий Григорьевич. Но мы не посмотрим на него, и пусть только он вздумает не отдать приданого, мы его судом ...

В это время бричка подъехала к двору, и древние клячи ожили, чуя близкое стойло, побежали быстрее, так что Адамова бричка чуть не развалилась и не выкинула Ивана Фёдоровича и Василису Карповну в придорожную пыль.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Слушай, Омелько! Коням дай прежде отдохнуть хорошенько, а не веди тотчас, распрягши, к водопою! Они лошади горячие. Ну, Иван Фёдорович, я советую тебе хорошенько подумать об этом. Мне еще нужно забежать в кухню, я позабыла Гапке заказать ужин, а она негодная, я думаю, сама и не подумала об этом. Ложись спать, а завтра мы про всё поговорим с тобою и, думаю, через неделю мы тебя и оженим.

ШПОНЬКА. Как - через неделю?!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. А чего тянуть? Мне внуков надо, тебе жену и детей. Вот и славно!

ШПОНЬКА. Нет, нет, надо всё обдумать, не можно никак через неделю!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Ты ж еще молода така у мэнэ дытына! Ладно, спи иди, утро вечера мудренее. Твоё дело – из носа: кап, в рот – хап. Иди.

И Василиса Кашпоровна отправила Ивана Фёдоровича в спальню, где для него была заготовлена большая перина.

* * *

Ранее обыкновенного лёг он в постель, но, несмотря на все старания, никак не мог заснуть. Наконец желанный сон, этот всеобщий успокоитель, посетил его. Но какой сон! Ещё несвязнее сновидений он никогда не видывал.

То снилось ему, что вокруг него все шумит, вертится, а он бежит, бежит, не чувствует под собою ног... Вот уже выбивается из сил... Просыпается.

Ночь. Лежит на перине Иван Фёдорович. Чудится, мнится ему во сне разное.

Вот стоит Гапка, говорит с Курочкою.

ГАПКА. Я очень хорошо знаю Ивана Фёдоровича и могу сказать, что он даже не имел намерения жениться. Откуда выходят все эти сплетни?

КУРОЧКА. Вот ходят сплетни, что Иван Фёдорович родился с хвостом назади.

ГАПКА. Но эта выдумка так нелепа и вместе гнусна и неприлична, что я даже не почитаю нужным опровергать пред просвещенными людьми, которым, без всякого сомнения, известно, что у одних только ведьм, и то у весьма немногих, есть назади хвост.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Позвольте встрять в разговор? Ведьмы, впрочем, принадлежат более к женскому полу, нежели к мужескому. А Иван Фёдорович принадлежит к мужескому полу. Откуда же у него хвост?

ГАПКА. Да нет у него хвоста!

КУРОЧКА. Нет, он с хвостом.

ГАПКА. Да сами вы с хвостом.

КУРОЧКА. Я-то? Я - с хвостом!

Закричал весело Курочка, оборотился в чёрта и улетел качаться на месяц, сидит, качается, поёт.

Боже ж мой на свете, в розовом корсете! Хоть бы и в худом, да в голубом!

Иван Фёдорович проснулся, встал, прошёл по комнате, снова лёг.

Бормочет:

ШПОНЬКА. Правда, Марья Григорьевна очень недурная барышня … Но жениться!.. Кажется так странно, так чудно, что я никак не могу подумать об этом без страха. Жить с женою!.. Непонятно!

Уснул.

Снова видит сон - страннее предыдущего.

СТОРЧЕНКО. Ты не один будешь теперь в своей комнате, но вас должно быть везде двое!.. « … Сам пью, сам гуляю, сам стелюся, сам лягаю!.. Сам пью, сам гуляю, сам стелюся, сам лягаю! .. Сам пью, сам гуляю, сам стелюся, сам лягаю! …»

Тут приблазнилось Ивану Фёдоровичу, что едет он, едет куда-то на бричке. Стоит сбоку народ, среди них Омелька и кричит Омелька:

ОМЕЛЬКА. А вон ваша пиголица из Москвы приехала, коляска-то - орех раскушенный, веревками хвосты лошадям позавязаны!

Вдруг кто-то хватает его за ухо.

ШПОНЬКА. Ай! Кто это?

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Это я, твоя жена!

То представлялось ему, что он уже женат, что все в домике их так чудно, так странно: в его комнате стоит вместо одинокой - двойная кровать. На стуле сидит жена.

Ему странно. Он не знает, как подойти к ней, что говорить с нею, и замечает, что у нее гусиное лицо.

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Славная бекеша у Ивана Фёдоровича! Отличнейшая!

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА *(хохочет).* Отдай моё сердце!

СТОРЧЕНКО. А какие смушки!

НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Фу ты, пропасть, какие смушки! Сизые с морозом!

ГАПКА. Я ставлю бог знает что, если у кого-либо найдутся такие!

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА *(хохочет).* Отдай моё сердце!

ИВАН ИВАНОВИЧ. Взгляните, ради Бога, на них, какие смушки! Особенно если он станет с кем-нибудь говорить, - взгляните сбоку: что это за объядение! Описать нельзя: бархат! серебро! огонь!

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА. Отдай моё сердце! На что оно тебе? Чёрту поминки делать?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Господи Боже мой! Николай Чудотворец, угодник божий! Отчего же у меня нет такой бекеши! Он сшил её тогда еще, когда Агафия Федосеевна не ездила в Киев.

СТОРЧЕНКО. Вы знаете Агафию Федосеевну?

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Ну, а кто ж ее не знает? Та самая, что откусила ухо у

заседателя.

Нечаянно поворачивается он в сторону и видит другую жену, тоже с гусиным лицом. Поворачивается в другую сторону - стоит третья жена. Назад - еще одна жена.

ГУСЫНЯ-НАТАЛЬЯ-ГРИГОРЬЕВНА. А ты знаешь, что у алжирского бея под носом шишка?

ГУСЫНЯ-МАРИЯ-ГРИГОРЬЕВНА. У Ивана Фёдоровича большие выразительные глаза табачного цвета и рот несколько похож на букву ижицу.

ГУСЫНЯ-НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Нет, у Ивана Фёдоровича глаза маленькие, желтоватые, совершенно пропадающие между густых бровей и пухлых щек, и нос в виде спелой сливы …

Тут он кинулся, убежал в сад. Но в саду жарко.

ШПОНЬКА. Да что ж это? Снял шляпу: и в шляпе сидит жена. Полез в карман за платком - и в кармане жена. Вынул вот из уха хлопчатую бумагу - и там сидит жена ...

ГУСЫНЯ-ВАСИЛИСА-КАШПОРОВНА. Иван Фёдорович хороший, выйди за него замуж, Мария Григорьевна? Ну? Он так не любит блох! Так не любит, что никак не пропустит жида с товарами, чтобы не купить у него эликсира в разных баночках против этих насекомых, выбранив наперед его хорошенько за то, что он исповедует еврейскую веру.

ШПОНЬКА. Тётушка, мне хочется прыгать на одной ноге.

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Да, ты должен прыгать, потому что ты теперь уже женатый человек.

Он к ней - но тетушка уже не тетушка, а колокольня. И чувствует, что его кто-то тащит веревкою на колокольню.

ШПОНЬКА. Да это ж не тётушка, это колокольня!

ВАСИЛИСА КАШПОРОВНА. Нет, я жена твоя.

ШПОНЬКА. Кто это тащит меня?

НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА. Это я, жена твоя, тащу тебя, потому что ты колокол.

ШПОНЬКА. Нет, я не колокол, я Иван Федорович!

КУРОЧКА. Да, ты колокол.

НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА. Кася-маляся!

КУРОЧКА. «По кочкам, по кочкам!

По маленьким мосточкам!

С кочки бух!

Раздавили восемь мух!»

НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА. Кася-маляся! Кася-маляся! Кася-маляся! Кася-маляся!

СТОРЧЕНКО *(поёт).* « … Топор, рукавица! Жена мужа не боится! Рукавица, топор! Жена мужа об забор! …»

ШПОНЬКА. Снится мне, что жена вовсе не человек, а какая-то шерстяная материя. Что я в Могилеве пришёл в лавку к купцу!

ИВАН ИВАНОВИЧ. Какой прикажете материи? Вы возьмите жены, это самая модная материя! Очень добротная! Из неё все теперь шьют себе сюртуки.

ГАПКА. Смотри-ка, купец меряет и режет жену.

НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА. Иван Федорович берет жену под мышку, идет с ней к жиду, портному.

ЖИД. Нет, это дурная материя! Из нее никто не шьет себе сюртука ...

ШПОНЬКА. Как зовут мою жену, как?!

НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА. Обмокни.

ШПОНЬКА. Неправда, её зовут Евдокия, а не «Обмокни».

НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА. А «Обмокни» тоже хорошее имя.

ШПОНЬКА. Нет, хорошее имя – Евдокия!

ОМЕЛЬКА. Правило буравчика, правило буравчика, правило буравчика, правило буравчика, правило буравчика …

КУРОЧКА. Ну, на тебе орден, дружище! Смотри, какой тяжелый, прямо до земли притянет тебя сейчас! Как повесишь на шею-то, а?

Вдруг видит Иван Фёдорович, что летит к нему Ангел.
Сел Ивану Фёдоровичу на голову, сидит, плачет, гладит редкие волосики Ивана Фёдоровича ручками своими тоненькими, синенькими от холода.

ШПОНЬКА. Что тебе? Кто ты? Кто ты?!

ЖИД. То ли чёрт это у него на голове, то ли ангел …

АНГЕЛ. «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана … Буду резать, буду бить, всё равно тебе галить …»

ШПОНЬКА. Да что тебе?!

АНГЕЛ. Летим … Летим со мной … Летим?!

В страхе и беспамятстве проснулся Иван Федорович.
Ночь была на дворе.
Зажёг Иван Фёдорович свечку.

ШПОНЬКА. Господи, да что ж всё это значит? Надо посмотреть в гадательной книге. Как чему быть, так сон приснится … Тут добродетельный книгопродавец, по своей редкой доброте и бескорыстию, поместил сокращенный снотолкователь … Вот!

Иван Фёдорович лихорадочно принялся листать гадательную книгу, которую заблаговременно положил у кровати на столик.

Вот, вот, вот … «Бэ»! Бабка! «Видеть бабку – значит: семейное счастье» ... Не то, не то … «Бомбоньберку видеть - хорошие дела, получить в подарок ея – утешение, а подарить кому-то – заискивать, а наполнить конфетами - приятная забава ...» Какая к чёрту бонбоньерка?! Вот – «Кэ»! Колдун … «Если Вам приснится колдун - значит, ваши честолюбивые мечты странным образом переменятся и разочаруют вас ...» Прочь! Вот. «Колокол. Для юноши услышать этот звон - к осуществлению его мечты ...» А? Да что ж такое! Да мне уж тридцать осьмой год! Ну-ка, что ещё? « … Если во сне вы видите колокольню, то наяву на вашу долю выпадут беды и болезни. Если вам приснилась разрушенная колокольня, то вашим близким грозят несчастья ...»

Иван Фёдорович вскочил.

Да пропади ж ты! Шапку, ещё я видел шапку! С гусынями!

Он принялся лихорадочно листать книгу.

« … Если вам приснилось, что вы надеваете большую меховую шапку, которая сваливается на лицо, то в личной жизни у вас возникнут обстоятельства, которые вы попытаетесь скрыть от близких. Однако будьте осторожны, дабы не потерять все. Если во сне вы надеваете шапку и обнаруживаете, что это чужая вещь, то наяву вам необходимо быть осторожнее, чтобы не оказаться замешанным в чужих проблемах …»

Иван Федорович вытер пот со лба платком.

Господи, Боже ж ты мой …

Иван Фёдорович встал, прошёлся из угла в угол.

Чушь какая, всё не то.

Иван Фёдорович быстро заходил по комнате.

Ангел. Ангел … Ангела видел!

Читает снова книгу.

«А»! «Увидеть во сне ангела - хороший знак» .... Ну, ну?! .. « … Видеть во сне ангела … Увидеть во сне ангела над головой кого-то из близких вам людей - предвестие того, что скоро душа этою человека отойдет в мир иной. Если вам приснилось, что вы - ангел, то такой сон означает, что вам следует задуматься о том, как вы расходуете доходы. Вам нужно подумать о ближних своих и поделиться с ними своей прибылью, ибо вы можете лишиться своего богатства в один миг. Если во сне ангел зовет вас на небеса, то такой сон предупреждает вас о серьезной болезни, которая угрожает вашему телу. Обратитесь к врачевателям, они помогут вам …»

Иван Фёдорович замер.

Что? Смерть? Врачеватели? Я и не жил вовсе, а тут уже … Нет. Нет, нет, нет! Куда ночь - туда и сон. Нет!

Иван Фёдорович кинул книгу под кровать.
Встал у окна. Прошептал:

ШПОНЬКА. Вдохновенная, небесноухающая, чудесная ночь ... Любишь ли ты меня? По-прежнему ли ты глядишь на своего любимца, не изменившегося ни годами, ни тратами, и горишь и блещешь ему в очи, и целуешь его в уста и лоб? Отдайте, возвратите мне, возвратите юность мою, молодую крепость сил моих, меня, свежего - того, который был ... Невозвратимо всё, что ни есть в свете … Невозвратимо всё, что ни есть в свете … Невозвратимо всё, что ни есть в свете … Невозвратимо всё, что ни есть в свете … Невозвратимо …

Так сказал Иван Фёдорович и упал на кровать.

* * *

А утром Василиса Кашпоровна нашла Ивана Фёдоровича в его постели мёртвым.

Поголосила она, похоронив его, да и сама скоро отправилась в мир иной, не выдержав разлуки с любимым племянником.
Долго удивлялись все в округе: отчего это и он, и она, не болея вовсе, вдруг разом умерли.
Поудивлялись, поудивлялись, да и вскоре забыли: надо жить дальше.

Вот и вся наша история.

Темнота

Занавес

Конец

сентябрь 2008 года

Екатеринбург